

P-175662

ФОГАРАШИ

**ГЕРМАНСКИЙ
ФАШИЗМ—
ВРАГ КУЛЬТУРЫ**

О Г И З

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

1942

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение . . . . .

Глава I. Фашизм превратил культурные учреждения Германии
в органы пропаганды человеконенавистничества . . . . .

Глава II. Фашизм — разрушитель науки . . . . .

Глава III. Фашизм — разрушитель литературы и искусства . . . . .

Глава IV. Поход германского фашизма против национальной
культуры народов . . . . .

Редактор Р. Магид

Подписано в печать 11 сентября 1942 г. Объем 4 1/4 печ. л. 40 000 зн. в 1 печ. л.
Тираж 50 000 экз. Л 91100. Заказ № 502. Цена 1 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Краснопролетарская, 16.

ВВЕДЕНИЕ

Великая отечественная война народов Советского Союза против германского фашизма длится уже больше года. В этой войне СССР, защищая интересы всего передового и прогрессивного человечества, ведет с фашизмом борьбу не на жизнь, а на смерть.

В своем историческом выступлении 6 ноября 1941 г. товарищ Сталин сказал: «В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение поработенных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании».

Народы Советского Союза в самоотверженной борьбе против фашистских варваров защищают свою культуру. Вместе с тем они защищают все величайшие достижения человеческой культуры.

Фашисты были призваны к власти самыми реакционными промышленными магнатами и аграриями для того, чтобы внутри страны установить кровавую диктатуру для подавления рабочего движения, а внешнюю политику Германии целиком и полностью подчинить подготовке к мировой войне, направленной на завоевание всего мира.

Притворяясь защитниками национальных интересов германского народа, фашисты скрывают свои империалистические, захватнические цели. В действительности же они являются самыми отъявленными империалистами. «Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира» (Сталин).

Оккупировав большинство европейских государств, фашисты отняли у народов свободу и независимость, растоптали национальные чувства и национальную культуру. Гитлер и его преступная шайка это цепные собаки немецких банкиров, захватывающие чужие страны и высасывающие из них кровь для того, чтобы обогатить банкиров и плутократов.

Немецкие фашисты стремятся поработить все народы мира. Они хотят не только остановить колесо истории, но повернуть его вспять, к рабовладельческому обществу и каннибализму. Гитлеровцы хотят ликвидировать все политические, социальные, моральные и культурные достижения человечества.

Ясно, что культурные достижения народов Европы и Америки препятствуют осуществлению гитлеровских планов завоевания всего мира. Ясно, что народы, стоящие на высокой ступени развития культуры, будут оказывать фашистскому гнету упорное сопротивление. «Только гитлеровские дурачки из Берлина не могут понять,—говорит товарищ Сталин,—что поработанные народы Европы будут бороться и будут восставать против гитлеровской тирании».

Фашисты культивируют среди своих сторонников невежество, распущенность нравов, жажду наживы, садизм. Они воспитали среди них презрение к знанию, создали погромные настроения против культуры. Известны слова одного из фашистских громил, «писателя» Ганса Иоста: «Когда я слышу слово «культура», я спускаю предохранитель своего револьвера». Этот самый Иост был назначен председателем Прусской академии литературы, после того как оттуда были изгнаны крупнейшие представители немецкой литературы: Томас Манн, Генрих Манн и другие.

Великий немецкий философ Гегель думал, что произносит величайшую похвалу своей нации, называя немцев «образованным народом». Другое дело Гитлер и его клика: они измываются над разумом и образованием. «Теперь о том, что называют культурой или воспитанием... Раз и навсегда надо покончить с тем, что называют всеобщим образованием. Всеобщее образование—это яд».

Свою власть, основанную на грубом насилии, свой кровавый режим Гитлер провозглашает высшей закономерностью природы.

Самым недвусмысленным и циничным образом Гитлер высмеивает мораль и нравственность во внутренней и внешней политике, образование и знание, разум и гуманность,—словом, все, что составляет содержание человеческой культуры. «Я не признаю никаких законов морали в политике. Политика—это игра, в которой дозволен любой обман».

Но, быть может, для фашистов существует мораль личная? Ничуть не бывало. В первый период фашистского господства в Германии некоторые его приверженцы, возмущенные бесстыдной коррупцией, воровством и грабежом гитлеровской клики, обратились к Гитлеру с жалобой. Гитлер им ответил:

«Мои люди—не ангелы. Ангелы мне нужны меньше всего. Они ландскнехты. Стало быть, пусть и живут как ландскнехты. Я не хочу, чтобы их чернили. Мне нужны люди с крепкими кулаками, не задумывающиеся над принципиальными вопросами, когда им предстоит кого-нибудь уколошить. И если они при случае сопрут часы или драгоценности,—плевать мне на это».

Гитлер отрицает всякое право и в международной политике. Своими нарушениями договоров и прежде всего вероломным

нападением на Советский Союз Гитлер показал, что он попирает всякие основы права и морали.

Глубокая вражда к культуре приводит фашистов к восхвалению варварства.

Когда в первую мировую войну немецкие оккупанты, свирепствовавшие в Бельгии, получили от своих противников название гуннов и варваров, во всей Германии поднялись громкие крики протеста. Название «варвары» было воспринято широкими кругами населения Германии как величайшее оскорбление.

В противоположность всему культурному миру гитлеровцы не обижаясь на кличку «варвары». Фашисты сами себя называют варварами. Гитлер сказал Раушнинггу: «Да, мы варвары. Это почетное название. Своим варварством мы обновим мир». Это «обновление» мира, как известно, фашисты впоследствии назвали «новым порядком в Европе», иначе говоря, программой порабощения народов Европы, программой ограбления и опустошения оккупированных фашистами стран.

Яростные враги прогресса и культуры, гитлеровцы объявляют себя крестоносцами «германской культуры» в особом, фашистском понимании этого слова. Все разбойничьи набеги германских племен, грабительские походы германских князей или «орденских рыцарей» в средние века имели, как уверяют фашисты, единственной целью распространить по земному шару «германскую культуру». Гогенцоллерны начиная от Фридриха II и кончая Вильгельмом II точно так же, по мнению германских фашистов, вели войны в интересах «германской культуры».

Ссылаясь на эту мнимую миссию «германской культуры», фашисты после захвата власти немедленно стали готовиться к войне. Во всех странах были организованы под названием «германских культурных союзов», «домов германской культуры» и т. п. террористическо-шпионские центры и бюро по вербовке в фашистскую партию. Там, где имелось германское меньшинство, оно с помощью денег и угроз объединялось в фашистские организации, которые функционировали под вывеской культурных организаций, по существу же были призваны вести подрывную работу в интересах германского империализма. Так фашисты поступали в Венгрии, Словакии, Румынии. Даже ось Берлин—Рим, этот неприкрытый военный союз, они с беспримерным лицемерием назвали союзом «содействия культуре и укреплению мира».

По утверждению фашистов, всякая страна, в которой когда-либо побывали немцы, обязана им возникновением и развитием своей культуры. Путем всякого рода жульнических махинаций фашисты приижают или отрицают культурные достижения и самостоятельные культурные вклады других народов, пытаются наложить руку на их культурные завоевания. Если только

возможно, это делается путем откровенного циничного грабежа, если же нет, то в ход пускаются более тонкие присмыслы жульничества, когда великие носители культуры, писатели и художники других народов просто-напросто объявляются принадлежащими к германской расе.

Так, в писаниях расиста Гюнтера можно прочесть, что Лопе де Вега, Сервантес, Данте, Леонардо да Винчи и даже Гомер принадлежали к германской расе и культуре.

Еще перед первой мировой войной выражение «германская культура» приобрело дурную международную славу: под ним скрывались замаскированные стремления германского империализма к завоеваниям, к политическому и культурному закабалению других народов. Тем более справедлива эта характеристика в наши дни, когда гитлеровцы, ссылаясь на «германскую культуру», предприняли разрушительный поход против культуры всего человечества.

Культурный мир умеет отличать истинную германскую культуру от пропагандируемой фашистами «германской культуры» геббельсовского образца. Все культурные люди высоко ставят великое наследие Гете и Шиллера, Канта и Гегеля, Баха и Бетховена. Всякому ясно, что фашистские главари, эти гнусные выродки рода человеческого, не имеют ничего общего с немецкой культурой и не в праве ссылаться на ее великих представителей. Многие произведения Гердера, Лессинга, Гете, Шиллера, Канта, Фихте, Гегеля и ряд их высказываний—прямой удар плетью по фашистским правителям нынешней Германии. В самом деле, разве не звучат приговором фашистским агрессорам следующие слова Канта:

«Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в устройство и управление другого государства»¹.

Кант клеймит такие методы внешней политики, как наем в неприятельском государстве убийц, отравителей и т. д., называя это адскими, гнусными приемами. Но разве только эти методы применяет Гитлер и его клика? Каждый шаг германо-фашистской армии—это оголтелый грабеж, всеобщее разорение, гнусные насилия, издевательства, кровавые расправы, перед ужасами которых бледнеют самые страшные преступления, какие когда-либо знала человеческая история. Куда вторгаются германские войска, там взывают о мщении истязуемые, униженные люди.

---

¹ Кант, Вечный мир. Философский очерк. Библиотека для самообразования, Москва 1905, стр. 6.

ГЛАВА I

ФАШИЗМ ПРЕВРАТИЛ КУЛЬТУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ОРГАНЫ ПРОПАГАНДЫ ЧЕЛОВЕКОНЕНАВИСТНИЧЕСТВА

Фашисты, стремясь удержать свою власть над германским народом и поработанными народами Европы, применяют все доступные им средства принуждения, используют все средства современной техники.

Фашизм систематически, организованно разрушает человеческую культуру. Нагляднее всего это проявляется в таких актах, как организованное сожжение выдающихся творений науки и художественной литературы. 10 мая 1933 г., по приказу министра «просвещения» Руста, берлинские студенты-фашисты во главе со своими доцентами отправились на Дворцовую площадь, где эта толпа с улюлюканьем сожгла на костре 40 тысяч экземпляров произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Бебеля, Либкнехта, Джека Лондона, Золя, Томаса Манна, Генриха Манна, Фейхтвангера, Фрейда и других. Такие позорные сцены разыгрались и в других городах Германии.

Разрушая германскую культуру, гитлеровцы внешне как бы сохраняют культурные учреждения прежней Германии. Но эти учреждения превращены ими в органы пропаганды фашизма.

Гитлеровцы используют прежние культурные учреждения для натаскивания и обезьяньей дрессировки детей и молодежи, для духовного обезличения и закрепощения взрослых и подчинения всей культурной жизни Германии единому унифицированному «руководству». В Германии существуют университеты, но они не служат цели научного образования своих слушателей. В театрах ставятся спектакли, но с искусством это не имеет ничего общего. Выходят газеты, но в них написано обратное тому, что в действительности происходит внутри страны и за рубежом. Издаются толстые книги с учеными названиями, но в них не найти ни одного правдивого факта, ни одной верной цифры.

Фашистские главари попирают ногами все принципы гуманистической педагогики. Фашизм хочет воспитать рабов и надсмотрщиков над рабами. Задача начальных школ, в которых обучаются массы, состоит в том, чтобы поставлять рабов; задача средней школы, профессиональных школ и высших учеб-

ных заведений—фабриковать надсмотрщиков над рабами различных рангов и квалификаций. Для «господ» существуют особые «фюрерские школы».

Все воспитание детей и молодежи,—а впрочем, как мы увидим дальше, также и взрослых—сводится к муштре. Цель ее—поставлять фашистам людей, физически годных для военной службы, готовых по их приказанию на любое зверское преступление.

В основе такого воспитания лежат не человеческие, а чисто зоологические представления. Гитлер заявил: «Германский юноша будущего должен быть быстрым, как борзая собака, гибким, как кошка, и твердым, как крупковская сталь».

Человсконенавистничество у гитлеровцев достигло поистине невиданных размеров. Гитлер в своей книге «Моя борьба» исступленно ругает прежнюю немецкую школу и ее учителей, потому что они, по его мнению, ставили во главу угла вооружение учащихся знанием и игнорировали «телесную закалку» и «воспитание характера» (под этим разумеется военная муштра и пропагандистская обработка детей в духе фашистской идеологии). Гитлер подчеркивает, что вооружение знаниями должно стоять в школе на последнем месте: «Государство должно ориентировать всю свою воспитательную работу в первую очередь на выращивание здорового тела. Лишь во вторую очередь идет развитие душевных способностей. Но и здесь первое место принадлежит воспитанию характера, и лишь последнее—образованию».

Школа в фашистской Германии претворяет в жизнь эти варварские указания Гитлера. Главное место в учебном плане занимают физические упражнения под руководством военных чинов. Орудие дрессировки—дубинка. В 1933 г. Гитлер назначил на пост министра просвещения бывшего учителя гимназии Руста, который в свое время был уволен со службы как заведомый сторонник порки и садист. Этот Руст, вступив в должность, снова ввел наказание розгами, запрещенное в Веймарской республике. Точно так же было восстановлено право мастера пороть учеников-подмастерьев. До чего дошло огрубение нравов, если уже официальный орган «Дейче Арбейтскорреспонденц» вынужден сообщать о «злоупотреблении телесными наказаниями», которые «налагаются по совершенно ничтожным поводам и стали довольно обычным явлением»!

Главное содержание, с позволения сказать, образовательной работы в школах фашистской Германии составляет пропаганда расизма по рецепту Гитлера: вся образовательная и воспитательная работа должна свестись к тому, чтобы «вжечь в сердце и мозг молодежи расовое мышление и расовое чувство». Здесь самое выражение «вжечь» показательное для стиля фашистского «воспитания»: как на теле рабов выжигают клеймо, так в мозге

детей «вжигают» идеи фашизма. В школах повсюду на стенах висят большие таблицы так называемой «науки о расах и наследственности» — наглядные пособия антисемитизма и прочих гнусных программных пунктов расизма. Демонстрируются диапозитивы, читаются лекции по «расоведению». К скудным познаниям, которые преподносятся ученикам, постоянно примешивается пангерманская пропаганда. Так, вместо астрономии преподается «германская наука о небе». Особенно в преподавании истории фашистская военная пропаганда, натравливание немецкой молодежи на другие народы, воспитание чувства надменного превосходства немцев над остальными нациями достигают высшей точки. Существует специальный рецепт Гитлера для отравления сознания германской молодежи ядом ненависти к другим народам: «Все воспитание и образование германского народа должно быть построено на том, чтобы убедить его в безусловном превосходстве немцев над другими. В своей телесной силе он должен черпать веру в непобедимость германского духа». В учебном плане по географии, изданном фашистским союзом учителей, содержится следующее предписание вести безудержную пропаганду фашистской агрессии:

«Преподавание географии стремится доступными ему средствами к утверждению германского духа (читай: германской гегемонии.—Б. Ф.) во всех частях земного шара. Оно внушает ученику, что германское жизненное пространство находится повсюду там, где немцы действуют или когда-либо действовали и где, следовательно, они оставили отпечаток германского духа. Поэтому особое внимание следует уделять вопросу о пограничных и зарубежных немцах».

Детей в школе с ранней юности пичкают кровожадной военной пропагандой, проповедуют им бесчеловечные методы ведения войны, разорение неприятельских стран дотла. В той же программе сказано: «Государство должно вести войну всеми находящимися в его распоряжении средствами. Здесь на первом плане безжалостное и безоглядное уничтожение источников благосостояния противника».

Что касается воспитания девочек, то оно должно, по Гитлеру, преследовать единственную цель — превратить женщину в машину, исправно рожаящую солдат для германской армии: «Главный упор нужно делать прежде всего на телесном развитии, затем на развитии душевных качеств и только в самую *последнюю очередь* на развитии умственных способностей». Эта программа исключает женщин из культурной жизни, закрывает для них доступ к науке, к интеллектуальному труду.

«Теоретик» расизма, бывший белогвардеец Розенберг, в свое время удравший из Прибалтики, декларирует на своем напыщенно мистическом языке: «Женщина — извечная хранительница бес-

сознательного». Другими словами, сознательная жизнь, самостоятельное мышление есть привилегия мужчины, женщина же должна блюсти «чистоту расы». Величайшее преступление для женщины—рожать расово неполноценных «ублюдков».

Во всех писаниях фашистских главарей—Гитлера, Розенберга, Дарре и других—о женщине говорится, как о чистокровной арабской лошади, для которой важнее всего сохранять «чистоту расы». Бывший фашистский министр сельского хозяйства Дарре в своей книжонке «Кровь и земля» дает следующую варварскую классификацию девушек, подразделяющую их на четыре категории. К первой относятся девушки, вступление которых в брак государство должно всячески поощрять из «расово-гигиенических соображений». Но к этой категории принадлежат, по Дарре, всего лишь 10% девушек! Ко второй категории причисляются те, в отношении которых их вступление в брак и деторождение не вызывают возражений, к третьей—те, которым можно разрешить только бездетный брак, а к четвертой—те, кому безусловно возбраняется иметь потомство. Дарре по профессии был раньше животноводом. Его классификация девушек целиком взята из области животноводства.

Старая средняя школа—гимназии, реальные училища и лицеи для девочек—не удовлетворяла требованиям фашизма. Она, по его мнению, вводила в программу слишком много гуманитарного материала, да и вообще имела ярко выраженный общеобразовательный уклон. Кроме того, доступ в среднюю школу был открыт, по мнению фашистов, слишком большому количеству детей. Фашизм ликвидировал большую часть существовавших средних школ, чтобы ввести новые типы школ, так называемую «высшую» и «основную» школу, стоящие на гораздо более низкой ступени, чем прежние средние школы. Подавляющая часть школьников должна посещать школу самое большее до 12-летнего возраста. Кто будет учиться дальше—определяют фашисты, директора школ, отдающие предпочтение не наиболее способным ученикам, а наиболее ловким подхалимам. Право на образование в фашистской Германии уничтожено без остатка.

За период 1935—1939 гг. была закрыта почти половина средних школ для учащихся мужского пола (в возрасте от 14 до 18 лет). Число учащихся средней школы непрерывно убывает. В 1932 г. оно составляло 40 тысяч, в 1938 г.—только 32 тысячи. И даже из этого числа половина не могла попасть в высшие учебные заведения. В баварские университеты в 1932 г. было принято 3 тысячи человек, а в 1938 г.—только 940.

Гитлеровская реформа немецкой школы полностью развалила школьное дело в Германии. Когда-то Германия занимала ведущее место в области школьного образования, педагогики. Сейчас во-

обще не приходится говорить о германской школе как о культурном учреждении.

В результате этого с каждым годом неуклонно снижаются знания у молодежи, кончающей школу. Как сообщает журнал «Социале Праксис» в февральском номере за 1940 г., в армии постоянно жалуются на плохие знания призывников. Военный еженедельник «Милитервохенблат» задается вопросом, почему У окончивших школу «вместо последовательного мышления наблюдается совершенно неопишное тяготение к фразе». Жалобы поступают также и от промышленных и торговых предприятий, берущих учеников: молодежь, окончившая школу с хорошими аттестатами, не знает элементарных правил правописания, не умеет ясно выражать свои мысли, а их познания в арифметике чрезвычайно отстают от тех требований, которые предъявлялись раньше и должны предъявляться также и теперь. Уж не происходит ли в Германии вместо (объявленного фашистами) «отбора одаренных» «обратный отбор», а именно—перепроизводство «умственно неполноценных», недоумевает выше-названный журнал «Социале Праксис».

Плачевные результаты школьного обучения объясняются варварскими методами преподавания. Фашисты отказались в своей методике преподавания от всех завоеваний прогрессивной педагогики. Современная педагогика стремится пробуждать самостоятельность в ребенке при усвоении знаний и справедливо отвергает методы, сводящие задачу школьника к пассивному восприятию и механической зубрежке предмета, как устарелые и вредные для его нормального развития. Фашистские мракобесы и апологеты розги ликвидировали даже те скромные реформы, которые были введены в школе при Веймарской республике. Единственным рекомендуемым методом преподавания стала так называемая «воронка». Это означает, что учебный материал должен вливаться в мозг ребенка подобно тому, как воду вливают в сосуд через воронку. Дети выучивают наизусть лекции преподавателя, изложенные на фашистском жаргоне. Фашисты не поощряют свободной умственной деятельности ребенка, а, напротив, стремятся к тому, чтобы убить в детях и молодежи всякое самостоятельное мышление.

Прежние учебники, написанные не в духе фашизма, изъяты из школ. Их место заняли всякого рода учебные «письма» и «пособия», в педагогическом отношении представляющие собой чистейшее шарлатанство. Так, в начальной школе «учебным пособием» считается пресловутый антисемитский порнографический бульварный листок «Дер Штюрмер». Все, что только может служить шовинистической пропаганде и возбуждению ненависти к другим народам—евреям, славянам, англичанам, французам,—привлекается как учебный материал.

Германскому учителю неустанно внушают, что он—«фюрер» взвода, а не работник умственного труда. Учитель в фашистской Германии проходит три стадии подготовки: «интернат, лагерь, колонна». Это значит, что каждый учитель после окончания семинарии должен отбыть военную службу и полугодичную «трудовую повинность», чтобы стать в конце концов настоящим педагогическим держимордой и послушным слугой фашистского начальства. Учителями часто назначаются люди, не имеющие никакого отношения к педагогике,—отставные фельдфебели, лица с подозрительным и уголовным прошлым—лишь бы только они были «благонадежны».

Впрочем, учитель играет в школе лишь второстепенную роль. Настоящими заправилами в школе являются руководители «гитлеровской молодежи»—организации германской молодежи, построенной по военному образцу. Начиная с 10 до 18 лет немецкие мальчики и девочки принудительно вовлекаются в эту организацию. Число мальчиков и девочек, охваченных ею, составляет свыше 9 миллионов. Они присягают «богу и Гитлеру» и «несут службу». Здесь по гитлеровскому рецепту формируется «характер», здесь молодежь превращается в бездушных автоматов, в слепо повинующиеся орудия гитлеровцев, здесь из юношей воспитывают ландскнехтов, здесь им «вжигают» в мозг бредни фашистской «идеологии».

Горький писал, что фашисты, «вооружая подростков и юношей, кроме револьверов, отжившими идеями национализма и расизма, воспитывая в молодежи социальный цинизм, садистскую страсть к убийству, разрушению... организуют из этой молодежи не только помощников полиции в ее борьбе против революционного пролетариата, но обрабатывают ее как яд, который будет влит в кровь армии рабочих и крестьян, вооруженных современной механической техникой человеконстребления».

Из среды «гитлеровской молодежи», из наиболее угодливых элементов и карьеристов производится так называемый «фюрерский отбор». Отобранных посылают в специальные фашистские учебные заведения—«школы Адольфа Гитлера», «орденские школы», где они подвергаются окончательной шлифовке и с помощью фашистской пропаганды превращаются в кровожадных фанатиков и извергов по образу и подобию гитлеровских главарей. Всевозможные знаки отличия—погоны, звездочки, которые они носят уже с 12-летнего возраста, чрезвычайно способствуют их разращению, не говоря уже об открывающихся перед ними перспективах карьеры захватчика. Им предстоит войти в ряды гитлеровской бюрократии, принять участие в порабощении и ограблении германского народа и народов других стран.

Для трудящихся пребывание в рядах «гитлеровской моло-

дежи» означает, что у них после 12—14-часовой напряженнейшей работы не остается ни одного свободного часа и даже минуты, которую они могли бы посвятить отдыху или культурным развлечениям, ибо «гитлеровская молодежь» требует «службы», постоянных рапортов, маршей, сборов, перекличек, военных упражнений.

Горе тому юноше, который не явится на «службу». «Гитлеровская молодежь» имеет свою полицию и свое судопроизводство. Юноша попадает под «молодежный арест». Это одно из тех варварских наказаний, которые были введены для молодежи во время войны. «Молодежный арест» начинается в 7 часов вечера в субботу и длится до утра понедельника, т. е. юноша после недели изнурительного труда все воскресенье сидит под арестом и доставляется под конвоем на место работы. Фашистская пресса Германии с омерзительным лицемерием, в котором она побилла мировой рекорд, заявляет, что «молодежный арест» способствует «укреплению характера и нравственности» молодежи. В действительности же огрубение нравов и моральное разложение среди «гитлеровской молодежи» в Германии не раз давали повод к публичным скандалам. Антифашистская католическая газета «Дер дейче Вег» сообщала незадолго до войны, что в одном только городе Бохуме 800 человек молодежи до 18-летнего возраста сидели в молодежной тюрьме за преступления против нравственности. В школах, в организациях «гитлеровской молодежи», в армии самым распространенным и излюбленным чтением является порнографическая литература. Всеобщим уважением пользуется тот, кто знает больше неприличных анекдотов.

Родителей, которые жалуются на нравственную распущенность своих детей, никто не слушает. Жаловаться в таких случаях не только бесполезно, но и небезопасно. После 10-летнего возраста дети окончательно изымаются из-под родительской опеки. Такое умаление родительского авторитета фашисты лицемерно объясняют «правом молодежи на самостоятельность». Но нигде молодежь не имеет так мало самостоятельности, как в гитлеровской Германии. Всевозможными гнусными способами они настраивают детей против родителей, разрушают семью и даже принуждают детей шпионить за своими родителями и доносить об их антифашистских взглядах и разговорах. В драматическом этюде «Шпион» антифашистского писателя Бертольда Брехта (опубликованном и в русском переводе) с глубоким реализмом изображен страх супружеской четы перед собственным ребенком. Подобные сцены—повседневное явление в «уютном семейном кругу» гитлеровской Германии.

Между школьными учителями и руководящими кадрами «гитлеровской молодежи» также существует антагонизм, часто при-

водящий к конфликтам и скандалам, что влечет за собой издание все новых декретов о взаимоотношениях школы и «гитлеровской молодежи».

В воспитании юношества в Германии главное место занимает культ грубой силы. Детей приучают к дракам и побойкам, их учат находить удовольствие в причинении другим физических страданий, насаждают среди них половую распущенность. В отрядах «гитлеровской молодежи» считаются «хорошим тоном» такие удары по лицу, чтобы от них кровь пошла носом. Жалобы бесполезны. Развязывание и разжигание низменных животных инстинктов—такова цель, к которой всеми силами стремятся фашистские «воспитатели». Такие методы, применяемые на протяжении 9 лет, не могли не дать результатов.

Общественное мнение всего мира возмущено беспримерными зверствами, совершаемыми в настоящей войне немецко-фашистскими бандами в отношении военнопленных и мирного населения, женщин и детей. Эта звериная жестокость—плод фашистского воспитания, гитлеровской «культуры», плод многолетней дрессировки молодежи фашистами.

Гитлеровцы полностью разгромили культурные организации и общества, существовавшие в Германии до установления фашистской диктатуры. Таких организаций в Германии было множество. Особенно большое значение имели культурные организации рабочего класса и интеллигенции. Рабочие создали в Германии свои крупные спортивные и туристские общества, хоры, капеллы, пролетарские театральные общества, объединения пролетарских читателей и подписчиков на дорогостоящие издания. Все эти организации, существовавшие на средства от сбора членских взносов, имели выборные руководящие органы, издавали собственную литературу и печатные органы и распространяли их среди рабочих.

Организации интеллигенции были другого типа. Работники умственного труда в Германии не были охвачены профсоюзами. Врачи, адвокаты, художники, учителя, инженеры, химики и другие основывали общества для защиты своих материальных, профессиональных и культурных интересов. Преподаватели высших учебных заведений и научные работники состояли членами научных обществ, число которых было велико.

Значительная часть мелкобуржуазных элементов в городе и деревне входила во всевозможные клубы и общества, преследовавшие развлекательные и культурные цели, а также в религиозные общества—католические и протестантские. Общее число этих организаций, включая местные группы, доходило до ста тысяч, насчитывая в своих рядах много миллионов членов.

Фашисты повели демагогическую агитацию против всех обществ и организаций, не желавших участвовать в их реакционном

походе против науки и искусства. Эта агитация, пока она не была поддержана террористическим аппаратом государственной власти, успеха не имела. Наоборот, в 1929—1933 гг. в организациях интеллигенции наблюдался поворот влево.

Фашистская диктатура разгромила все эти организации и общества и вместо них создала государственные организации, единственное назначение которых состоит в том, чтобы лишить население всякой свободы и отравить его ядом фашистской пропаганды.

Гитлер и его клика присвоили себе исключительное право на подчинение всей духовной жизни Германии своему монопольному контролю. Они выдумали новое «право», так называемое «культурное право», которым они пользуются для того, чтобы придавать видимость законности своему террору в области культуры. В книге, озаглавленной «Культурное право», культурная жизнь в фашистской Германии характеризуется лозунгом: «fühlen, führen, folgen» (чувствовать, руководить, следовать). Другими словами, германскому народу запрещено думать, ему разрешается только «чувствовать». За фашистскими главарями утверждается монопольное право на «руководство» культурой, а на народ возлагается святая обязанность покорно «следовать» за ними. Так ныне выглядит «культура» в стране, которая когда-то считалась страной мыслителей и поэтов, которая была известна как страна высокого культурного созидательства.

Все «культурные учреждения», за исключением школьного ведомства и науки, подчинены имперскому министерству пропаганды, т. е. самому Геббельсу. Под громким и обманчивым названием «имперской культурной палаты» были созданы государственные организации, объединяющие работников всех видов интеллектуального труда. Они были в принудительном порядке соответственно объединены в палаты печати, радио, литературы, театры, кино, изобразительных искусств, музыки. Во главе этих учреждений стоят близкие доверенные люди Гитлера и Геббельса. О выборных правлениях, как это раньше имело место в культурных организациях, теперь, конечно, нет и речи. В роли председателя «Имперской палаты печати» мы находим, например, пресловутого директора издательства фашистской партии Аманна. Он считается у фашистов финансовым гением, вероятно потому, что успел уже выплатить Гитлеру 4 миллиона долларов в качестве гонорара за книгу «Моя борьба».

«Культурной палате» с ее многочисленными разветвлениями приданы различные функции. Она должна заботиться о том, чтобы доступ к интеллектуальным профессиям был открыт только лицам «арийского происхождения», к тому же политически «благонадежным»; все «неарийцы», а также все политически инако-

мыслящие, будь то художники, писатели или артисты, лишены возможности работать по своей специальности. «Культурная палата» ведет слежку за своими членами, наблюдая за каждым их шагом, доносит на всех тех, кто позволяет себе критические замечания о мероприятиях фашистов. Наконец, палата выносит суждения и принимает решения о судьбе тех или иных театральных постановок, кинофильмов, об издательской и журнально-газетной продукции.

Для того чтобы создать какую-то видимость законности для произвола и деспотии «палат», было издано постановление, разрешающее обжаловать решения «культурной палаты» перед... вышестоящими инстанциями. Председателем «культурной палаты» является Геббельс, а вышестоящая инстанция, к которой можно апеллировать,—это министерство пропаганды, т. е. опять-таки Геббельс. Вот пример того, что в гитлеровской Германии называется «законностью»!

«Культурная палата»—это дойная корова для административной ее верхушки, настоящий очаг коррупции. Львиную долю взяток кладет себе в карман, конечно, сам Геббельс. Он верховный цензор Германии по театру и кино. За допущение на экран фильмов он, помимо гигантских официальных гонораров за свои заключения, загребает еще более гигантские взятки от кинокомпаний. Неудивительно, что в Аргентине и Бразилии на его банковском счете числятся миллионы!

«Культурными палатами» заменены все прежние культурные организации интеллигенции. Такие старые объединения, как, например, отнюдь не принадлежащий к левому направлению «германский союз учителей» или весьма консервативный «германский союз филологов», были распущены фашистами, потому что они не позволили навязать себе фашистское руководство вместо прежнего, выборного.. Разгромлены все студенческие объединения, включая и традиционные «корпорации», известные своей реакционностью. Фашисты опасались, что на эти объединения смогут опереться круги, недовольные хозяйничаньем гитлеровской банды. Упорное сопротивление этих организаций гитлеровской тирании было сломлено с помощью террора.

Все имущество культурных организаций пролетариата, интеллигенции и других слоев германского населения, принадлежавшие им здания, библиотеки и т. д. были захвачены геббельсовцами.

Фашисты передали все имущество пролетарских культурных объединений пресловутому «германскому трудовому фронту», который был насильственно навязан рабочему классу взамен его профсоюзных организаций, разгромленных фашистами. «Германскому трудовому фронту» была затем придана так называемая культурная и спортивная организация, именуемая фашистами

«Сила от радости». Она создана по подобию итальянской организации Муссолини «Доро Лаворо» («Doro Lavoro»). Официально задача ее якобы состоит в том, чтобы заботиться о досуге рабочих, об организации спортивных игр, экскурсий, путешествий, культурных развлечений. Германские фашисты широко и лживо рекламируют большие льготы, якобы предоставляемые ими рабочим для путешествий во время отпуска. Однако спорт и экскурсии—это только приманка. Действительная цель этого объединения заключается в том, чтобы подчинить рабочих даже в воскресные дни и в те немногие свободные часы, которыми они располагают, постоянному надзору и шпионскому контролю фашистских органов.,

Круг замыкается роспуском католических культурных организаций, закрытием большинства католических школ и высших учебных заведений. Общественные деятели-католики, выступившие против этих мероприятий фашистов, подверглись преследованиям, арестам, а в нескольких случаях имели место и убийства. Соппротивление католиков фашистам не сломлено и по сей день.

В области печати фашисты произвели ужасающие разрушения. Вся рабочая печать была запрещена. Имущество рабочей печати было попросту похищено. Затем последовало запрещение известных буржуазно-демократических газет вроде «Берлинер Тагеблат» и «Фоссише Цейтунг». Фашисты закрыли широко распространенные журналы и иллюстрированные еженедельники вроде издававшегося миллионным тиражом «Берлинер Иллюстрирте» и т. д. Часть буржуазных газет продолжает существовать в качестве официальных фашистских органов. Органы печати католиков и многие буржуазные органы были попросту закрыты. При ликвидации буржуазных газетных концернов Моссе, Ульштейн, Гугенберг фашисты завладели имуществом этих фирм и колоссально на этом нажились. В общей сложности ликвидировано свыше 5 тысяч газет и журналов.

Общий тираж печати в Германии чрезвычайно снизился. От гитлеровской печати веет беспросветной пустотой. Она абсолютно лишена всякой правдивой информации. О местных событиях в различных городах и областях, о растущих продовольственных затруднениях в газетах не найти ни слова. Помимо лживых официальных военных сводок и поставляемых ведомством Геббельса статей в газетах содержатся только объявления. Коммерсантов заставляют давать объявления в официальные партийные органы и платить за них большие деньги. Таким образом, печать, которая по числу подписчиков должна была бы быть дефицитным предприятием, становится для фашистской партии источником крупных прибылей.

Фашистские правители уже дают отчет себе отчет в том,

что их печать не популярна, и пытаются перенести центр тяжести своей пропаганды на радио. Геббельс и имперский руководитель печати фашистской партии Дитрих даже сфабриковали своего рода «теорию», согласно которой печать должна уступить радио свои прежние позиции. Тем самым они лишь признали банкротство фашистской печати.

Радио, особенно во время войны, стало главным органом фашистской пропаганды. Радио превратилось в основной инструмент массовой обработки умов. Оно начинает верещать в 5 часов утра и кончает ночью. Непрерывный поток лжи, каннибальская травля свободолюбивых народов мира, оглушительный грохот военных маршей—все это изливается на радиослушателей. На улицах Берлина орут установленные по приказу Геббельса 12 тысяч громкоговорителей. В кабаках, кафе и фабричных столовых запрещено выключать радио. Печать в угрожающем тоне отмечает случаи, когда это все же делается. Во время официальных выступлений Гитлера и других фашистских главарей прекращается демонстрация картин на экране, спектакли и концерты, и публика стоя обязана выслушивать словоизвержения фюреров; всякая попытка уклониться от этого приводит к репрессиям по отношению к смельчаку.

О том, что население не доверяет официальному радио, свидетельствует огромное число так называемых «радиопреступников». Этим именем фашисты окрестили тех, кто слушает иностранные радиопередачи. Фашистская печать почти ежедневно сообщает о тяжелых тюремных приговорах, выносимых «радиопреступникам». Несмотря на то что наказания непрерывно усиливаются и уже вынесен ряд смертных приговоров, число судебных процессов против слушателей зарубежного радио продолжает возрастать из месяца в месяц как в самой Германии, так и особенно в оккупированных странах.

Таково существо «германской культуры», внедряемой фашистами в Германии. Завладев культурными учреждениями, созданными трудом народа, фашизм использует их против германского народа, для его духовного закабаления.

Этот дьявольский план ликвидации культурных завоеваний человечества не ограничивается, однако, одной Германией. Ведь один из главных лозунгов германских фашистов—лозунг «распространения германской культуры», а это означает не что иное, как стремление распространить существующий в Германии фашистский кровавый террор на весь мир!

ФАШИЗМ — РАЗРУШИТЕЛЬ НАУКИ

Враждебное отношение фашизма к человеческой культуре находит свое наиболее яркое выражение в его отношении к подлинной прогрессивной науке. Прогресс человеческого познания, внедрение научных знаний в массы, разоблачение суеверий—все это представляет опасность для фашистской диктатуры. Она видит свою опору лишь в темноте и невежестве, в обмане и околпачивании народа, в господстве мистики и слепой веры. Все, что известно из истории о реакционных течениях, направленных против научного прогресса, все это бледнеет перед преступлениями, совершенными и совершаемыми Гитлером и его бандой по отношению к науке.

Поход Гитлера против науки проявляется в самых разнообразных формах: в открытом варварском уничтожении научных учреждений, библиотек, высших учебных заведений, в сжигании книг, в истреблении ценнейших научных кадров. Одновременно фашизм ведет борьбу против науки также и в замаскированной форме, заявляя на словах о своем признании науки, на деле же стремясь к ее уничтожению.

После победного шествия науки в течение последних столетий авторитет ее настолько укрепился, что фашисты считают необходимым придать своей собственной лживой пропаганде видимость науки, создать для своих надобностей лженауку.

Эту форму борьбы с наукой фашисты применяют в широчайшем масштабе во всех областях человеческого знания.

Прусский король Фридрих II в 1744 г. предложил Прусской Академии наук конкурс по составлению ответа на вопрос: «Нужно ли обманывать народ?» Этот король, по мнению фашистов, находился под слишком сильным влиянием Вольтера. У него—по крайней мере в теории—были какие-то сомнения относительно необходимости обманывать народ. Для германских фашистов даже самая постановка этого вопроса является излишней. Для них несомненно, что народ нужно обманывать. Так называемые гуманитарные науки все без исключения представляют собой, с их точки зрения, только «средство пропаганды», т. е. орудие лжи, бессовестнейшего обмана народа. Задача пропаганды, говорит Гитлер в книге «Моя борьба», состоит отнюдь «не в том, чтобы сообщать народу истину». «Единственным критерием правильности или неправильности пропаганды является ее успех». По Гитлеру, дозволена любая ложь, если только она служит успешной «пропаганде», иначе говоря, обману народа. По мнению фашистских главарей, в задачи науки не входит исследование истины. «Истины не существует ни в морали, ни в науке»,—заяв-

ляет Гитлер. Наука должна «служить» фашистскому режиму, а ее деятели, ученые должны стать рабами Гитлера и его режима. Эта мысль изо дня в день пережевывается в фашистской Германии в бесчисленных вариантах. В качестве высшего образца для ученого выставляется и восхваляется палач-штурмовик. Ученые и профессора должны быть «штурмовиками духа»,—так заявил на одной конференции юристов фашистский министр Франк. Ученые—это «духовные солдаты Гитлера», гласит вариант мракобеса Крикя. Руководитель основанного при Гитлере, в 1937 г., центрального бюро «научно-исследовательских работ», генерал Беккер, по-своему выразил эту же мысль, сказав, что прежний метод «исследования основ» должен быть заменен методом «целевого исследования», т. е. что исследовательская работа должна служить только целям грабительской войны фашистов. Официальные директивы о постановке преподавания в высшей школе категорически требуют от преподавательского состава «отказа от объективного взгляда на историю».

Что означает, когда геббельсы, розенберги и перебежавшие на сторону фашизма профессора неустанно твердят, что наука должна служить «народному единству»? Это значит, что она должна превратиться в орудие геббельсовской пропаганды, что ее назначение—облекать в ученые драпировки извергаемую гитлеровцами ложь.

«Моя борьба» Гитлера, «Миф XX столетия» Розенберга, «Новое дворянство крови и земли» Дарре и тому подобные «сочинения» возведены в ранг основоположных трудов фашистской «науки». Они задают тон, указывают направление, намечают лейтмотивы. Перед официальной «научной» литературой поставлена задача с педантичной обстоятельностью сфабриковать на этой основе лженауку во всех областях знания. В качестве необходимой предпосылки для этого выдвигается требование, чтобы профессор и ученые «безусловно и безоговорочно» стали на сторону господствующего режима. Ясно, что за этими словами скрывается полное, окончательное удушение свободы научного исследования.

Стержень официальной идеологии германского фашизма образует пресловутая расовая «теория». Если в средние века существовало положение, что «философия—служанка теологии», то в фашистской Германии его можно сформулировать так: «наука—служанка расизма».

По своему содержанию «теория» расизма ни в какой степени не представляет собой чего-либо нового. Скучные основные положения расовой «теории» можно найти еще в сочинении «О неравенстве рас», написанном в середине XIX века французом графом Гобино, а также в книге онемечившегося англичанина Хаустона Стюарта Чемберлена «Основы XX столетия», в которой особенно подчеркнута антисемитское направление расизма. Но расовая «теория» до гитлеровцев не находила последователей.

После первой мировой войны, Гитлер сумел ловко использовать реакционнейшую «теорию» расизма для воспитания в германском народе человеконенавистнических чувств и зоологического шовинизма. Расовая теория понадобилась и для того, чтобы подвести под программу германского империализма, программу завоевания и покорения всего мира, видимость некоей «естественно-научной» основы. Таким образом, Гитлер превратил расизм в своего рода «евангелие» фашизма.

Там, где начинается расизм, там кончается наука, кончается культура.

Расисты утверждают, что люди делятся только на расы, отделенные друг от друга непроходимой пропастью. Раса, с их точки зрения,—понятие вечное и неизменное. Различие рас обусловлено различием крови. Существуют якобы «высшие» и «низшие» расы. История человечества—это вечная борьба рас между собой. В природе действует «закон» конечной победы «высшей» расы над «низшими». «Высшая» раса должна, однако, блюсти «чистоту крови». «Прегрешение против крови» и «осквернение расы», т. е. смешение и скрещивание рас, являются, по выражению Гитлера, «первородным грехом» мира. За этими тезисами следуют разглагольствования фашистов об «арийской» расе и «нордической», или «германской», расе.

Сказка об арийской расе создана Гобино и Чемберленом, т. е. французом и англичанином, примерно в том же виде, в каком она фигурирует у Гитлера. По утверждению Гобино, ариец обладает превосходством над другими расами. Гобино, впрочем, предсказывает гибель арийской расы в результате смешения арийской крови с кровью низших народов. Чемберлен устанавливает признаки германской расы: только германец рус, голубоглаз и длинноголов, у него золотистые волосы, гигантский рост, лучистые глаза, продолговатый череп, удлиненное лицо.

Черпая из этого мутного источника и добавляя свою собственную приправу, Гитлер создал свою «теорию» об арийском человеке. Ариец, по словам Гитлера, принадлежит к высшей расе, только ариец представляет тип подлинного человека, «высшее человечество». Искусство, наука, техника,—словом, вся человеческая культура, по Гитлеру, чуть ли не целиком создана творческим трудом арийца. Только арийцы—«созидатели культуры».

Ариец для фашистов—синоним завоевателя. «Творческая раса», по их мнению, может утверждать себя только в качестве завоевателей, в качестве властителей. В главах своей книги «Моя борьба», посвященных расовому вопросу, Гитлер прокламирует «право более сильного на победу». Согласно Гитлеру, человеческая культура обязана своим происхождением покорению арийцами «низших» рас.

Гитлер пишет: «Несомненно, первичная культура человечества

возникла не столько благодаря укрощению животных, сколько благодаря использованию низших людей». Так кровавый маньяк Гитлер в угоду своей «теории» фальсифицирует историю человечества для оправдания своих разбойничьих завоевательных планов.

К бредовым фантазиям Гитлера авантюрист Розенберг со своей стороны присовокупил восхваление «нордического человека» как олицетворения всего лучшего и прекраснейшего в мире. Нордический человек рожден для войны и господства, ему принадлежит право на подчинение себе всех других народов. Собственно нордическим человеком является, конечно, немец, точнее говоря, немец. Но, как известно, германцы как народ находились на низшей ступени варварства, в то время когда другие народы—египтяне, ассирийцы, греки и римляне—уже достигли высоких ступеней культуры. Чтобы спасти честь нордического человека, Розенберг и несет околесицу о какой-то «нордической Греции», о «нордическом Риме и Вавилоне» и путем всяких исторических сальто мортале пытается доказать, что Рим, Вавилон и Греция были созданием германцев, продуктами германского духа.

Нет народа, который бы фашисты не низводили на ступень «низших существ».

Англичан, американцев, французов, даже своих союзников—итальянцев, венгров, румын, японцев—они считают ни к чему не способными нациями. Что же касается славян, и в частности русского народа, то тут их ненависть не имеет границ. О славянах один из фашистских «теоретиков», Гюнтер, пишет, что «человек славянской расы представляет собой переходную ступень от человека к животному. Он ближе к обезьяне, чем к человеку. Его нельзя назвать человеком в полном смысле слова».

Ясно, что эта галиматья нужна фашистам для того, чтобы доказать, что они единственная «великая раса» и их миссия состоит в том, чтобы покорить себе весь мир. Расовая «теория» служит не только для натравливания одних наций против других, но она прежде всего прямо и непосредственно направлена против германского народа. Ни рабочих, ни трудящихся крестьян фашисты не признают за «полноценных» людей. «Фашизм,—писал Горький,—по сути его, является организацией отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей». Фашисты «озабочены,—писал он,—расширением и укреплением наглого и откровенного деспотизма, небывалого по бесчеловечности порабощения трудового народа»¹.

С точки зрения расовой «теории», господствовать и управлять

---

¹ М. Горький, О литературе, «Советский писатель», Москва 1937, стр. 432.

государством способно только «высшее сословие», т. е. монополисты-банкиры, магнаты-промышленники, аристократия. Из расовой «теории» явствует, что наиболее «чистыми» представителями германской расы являются капиталисты. Фашисты требуют разделения германского народа на господ и рабов. По словам Гитлера, германское общество должно выглядеть следующим образом: наверху—класс немцев—«господ», составленный из кучки магнатов и руководителей фашистской партии. Ступенью ниже—«новый класс господ»—капиталисты, помещики и преданные члены фашистской партии. Еще ниже стоят «вечные слуги»—трудящиеся Германии. И, наконец, за ними—все остальное человечество, т. е. порабощенные фашистами народы.

Таковы вкратце важнейшие утверждения немецких расистов, которые они прокламируют как «обновление науки» и кладут в основу всей своей пропаганды, в основу преподавания в школах и высших учебных заведениях.

Верховный жрец каннибальской расовой «теории» Гитлер не распространяет, однако, расовую «теорию» на себя. Австриец по рождению, он, согласно своим взглядам на чистоту крови, сам происходит от неполноценного народа, так как австрийцы представляют смесь иллирийских, кельтских, романских, славянских и германских элементов. Это не помешало ему объявить себя фюрером «избранного» германского народа.

Каждое утверждение расовой «теории» есть ложь. Каждое ее полжение полностью опровергнуто современной наукой. Лучшие буржуазные ученые-специалисты—антропологи, врачи, филологи, географы—собрали огромный фактический материал, убедительно показывающий полную несостоятельность и ненаучность всякого рода расистских «теорий».

Согласно современной науке, человеческие расы—это не какие-то таинственные образования, а продукт исторического развития. Физические различия, на основании которых людей и причисляют к различным расам, как то: цвет кожи, волосы, строение черепа, форма носа, рта и т. д., не есть нечто извечное. Все эти особенности возникли в ходе развития и могут в дальнейшем изменяться. Физические и душевные свойства людей, принадлежащих к различным расам, не являются следствием каких-то таинственных различий крови. Эти различия скорее были первично обусловлены влиянием географической и климатической среды. Например, черный цвет кожи у негров, которых Шекспир удачно назвал «сынами жгучего солнца», объясняется длительным приспособлением кожи к тропическому климату, т. е. к сильному действию ультрафиолетовых лучей тропического солнца. Под влиянием климата Африки и другие расы, например мавры или эфиопы, приобрели темный цвет кожи. Так называемый «психический склад» негров, как и других рас, еще более поддается

изменениям, чем их физиологические свойства, и является продуктом историко-социальных влияний. Весьма характерны в этом отношении изменения типа иммигрантов, родившихся в Европе, и их потомков, родившихся в Нью-Йорке. По наблюдениям антрополога Боаса, «у сицилийцев голова стала шире и короче, лицо уже; у богемцев голова стала менее длинной и менее широкой, головной указатель уменьшился, ширина лица значительно уменьшилась, рост увеличился; у евреев голова и лицо стали уже, рост выше...»¹

Признаки одной и той же расы в различные эпохи изменялись. Так, например, в южной Баварии в период переселения народов доликефалы (длинноголовые) составляли среди населения 42% и брахикефалы (короткоголовые)—14%; в конце средних веков соотношение обеих групп—50%, а в современном обществе доликефалы уменьшились до 1%, брахикефалы возросли до 83% (остальная часть падает на промежуточную группу). Все это говорит о полной несостоятельности расовых «теорий».

Современная антропологическая наука различает в общем три большие человеческие расы: негроидную, европеидную и монголоидную (черную, белую и желтую). Это деление не оставляет места для распространяемых фашистскими апостолами фантазий и лживых измышлений об избранной арийской расе. Существует лишь арийская семья языков, но нет никакой арийской расы. Все серьезные ученые единодушны в том, что никогда не существовало арийского или индогерманского пранарода.

Антропологическая наука разоблачает гитлеровские тезисы о вредности смешения и скрещивания рас, о «чистоте крови» и «чистоте расы» как полнейший вздор, как порождение суеверия, распространяемого фашистами в целях обмана.

Все существующие ныне европейские народы являются результатом длительного и многократного смешения и скрещивания.

Известный немецкий ученый, филолог и историк культуры П. Кречмер подчеркивает, что высокая культура всегда возникла в Европе там, где имело место смешение народов и рас. Кречмеру принадлежит также заслуга в том, что он нанес сокрушительный удар реакционной гипотезе об арийском пранароде.

Известный немецкий антрополог Эрнст Фишер сделал по этому поводу следующее разумное замечание: «Часто слышимое утверждение, что смешанная раса всегда хуже обеих родительских рас, представляет собой бессмыслицу, которая несколько не теряет свой бессмысленный характер от бесчисленных повторений». При гитлеровском режиме Фишер отрекся от своих прежних взглядов

---

¹ Бунак-Нестров-Рогинский, Антропология. Краткий курс, Москва 1941, стр. 251—282.

и пишет, вопреки собственным убеждениям, так, как ему приказывает фашистское начальство, т. е. в духе расизма. Этот печальный пример протипуирования науки в Германии не единичен.

Наука также опровергает фашистские утверждения о существовании чистой нордической, или германской, расы. Немецкий ученый Фридрих Мюллер писал еще более 70 лет тому назад, что понятие германской расы столь же бессмысленно, как понятие «длинноголового спряжение или голубоглазое склонение».

Отличительные признаки так называемой нордической или германской расы—светлые волосы, голубые глаза, высокий рост, продолговатый череп—отнюдь не являются специфической особенностью германских народов. С одной стороны, эти признаки можно найти и у других—славянских, романских, англо-саксонских—народов Европы, с другой стороны, встречается не меньшее число немцев с темными волосами, низким ростом, круглой головой и т. д.

В этой связи небезынтересно напомнить следующее изречение Бисмарка: «Пруссаки обязаны некоторыми своими лучшими политическими качествами славянскому элементу в своей крови»¹. Эти слова Бисмарка звучат пощечиной для фашистов, обзывающих славян «неполноценной расой».

Невосприимчивых к культуре рас вообще не существует, существуют лишь угнетенные расы и народы, которые именно вследствие угнетения оказались в состоянии культурной отсталости.

Конечно, фашистов меньше всего заботит вопрос о том, верна ли расовая «теория» или нет. Они сами знают, что она—сплошной вымысел, и Гитлер не скрывал этого в своих интимных беседах с Раушнинггом. Расизм нужен фашистам лишь как прикрытие для их плана покорения мира. Это главное, все остальное—необходимый привесок.

В отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) 26 января 1934 г. товарищ Сталин разъяснил политическое содержание расизма.

«Третьи,—сказал товарищ Сталин,—думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», против «низшей расы», прежде всего—против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли,—допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый

---

¹ *Sidney Whitman, Fürst Bismarck in seinen letzten Lebensjahren. Stuttgart 1902, S. 225.*

Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем,—между нами будь сказано,—старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»¹

Эти слова Сталина звучат сегодня с особенной силой. Лозунгам о «высших» и «низших» расах, а также о чистоте расы соответствуют практические дела фашистов. В области внешней политики—бешеная подготовка к захватническим войнам. На арене внутренней политики—варварские законы против евреев, массовые погромы и бесконечный ряд бесчеловечных мероприятий на основании законов о так называемой «расовой гигиене», особенно же закона о стерилизации. Согласно последнему, больные или «расово неполноценные» люди могут быть подвергнуты стерилизации. Под этим предлогом фашисты расправляются со своими противниками. Подлинное назначение закона о стерилизации объяснил фашист Дитрих в своем выступлении в рейхстаге. Угрожая антифашистам, он сказал: «Эти люди должны вымереть».

Призыв фашистов к улучшению и «качественному повышению» германской расы в сущности не что иное, как программа массового истребления людей. Розенберг бросает Веймарской республике и ее врачам упрек в том, что они до 1933 г. оказывали чрезмерную помощь больным. «Больницы, которые строились тогда, были дворцами». Так пишет Розенберг и другие фашисты, и это же повторяют за ними «унифицированные» врачи «Третьей империи».

«Слабые должны вымереть. Мы против лечения инфекционных болезней—они наш лучший помощник в борьбе за здоровую расу. Мы против борьбы с туберкулезом, он убивает хилых и нежизнеспособных. Мы против возни с больными детьми—им незачем становиться взрослыми. Мы за войну, которая оставляет живыми самых здоровых и сильных». Это дикий бред осатанелого садиста.

Специалист по так называемой расовой гигиене некий Фриц Ленц утверждает, что, по его вычислениям, в Германии имеется свыше 6 миллионов физически слабых или больных людей, не-

---

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

сколько миллионов людей, склонных к душевным заболеваниям, и свыше 6 миллионов «духовно неполноценных». Таким образом, получается, что в Германии примерно 15 миллионов человек непригодны к «качественному повышению расы». Если это действительно так, то спрашивается: на чем же, собственно, фашисты основывают свое утверждение об избранности германской расы?

Резюмируем: расовая идеология, с точки зрения науки, представляет собой сумму всех бредовых идей суеверия; в политическом отношении это—порождение самой необузданной реакции и стремления германского империализма к мировой гегемонии; в моральном отношении—циническое отрицание всех нравственных понятий цивилизованного мира, восхваление канибализма и бесчеловечности.

Бесчеловечное патравливание одних рас на другие возмущает и отталкивает порядочных людей во всех кругах населения.

Католики решительно отвергают расовую «теорию», хотя и не по научным, а по религиозным соображениям. Папа римский в 1937 г. обратился с особым, направленным против расизма посланием, озаглавленным «Пламенная забота». Радиостанция Ватикана, которую многие немецкие католики слушают, не считаясь с запрещением, неустанно осуждает расовую «теорию». А ведь католики составляют свыше одной трети населения Германии!

В дополнение к расовой «теории» фашисты придумали еще «геополитику». Так называемая «геополитическая наука» вошла в моду в Германии после первой мировой войны, но окончательная разработка ее в нужном фашистам духе принадлежит Карлу Гаусгоферу, генералу вильгельмовской армии, который после мировой войны специализировался на «научной» пропаганде германского империализма. Гаусгофер еще в Мюнхене связался с Гитлером, в лице которого нашел весьма восприимчивого ученика. Гаусгофер посвятил Гитлера в сложные вопросы империалистической политики, научил его «мыслить в мировом масштабе». XVI глава книги Гитлера «Моя борьба», трактующая о вопросах внешней политики, написана под влиянием Гаусгофера.

Геополитика как «наука» недалеко ушла от расизма. Геополитика также рядится в перья, украденные у естествознания, она также претендует на открытие и толкование «законов природы». Если в «учении» о расах центральное понятие, вокруг которого все вертится,—кровь, то в геополитике эту роль выполняет понятие пространства.

Геополитику можно определить кратко как лженауку о пространстве. Весьма примитивная, но именно поэтому весьма пригодная для околпачивания не сведущих в политэкономии, истории и мировой политике людей, исходная предпосылка геополитики гласит: научной основой политики служит география. Гео-

графия якобы учит, что наиболее богатые страны мира обладают наибольшим пространством. Германия же имеет слишком мало пространства. Следовательно, чтобы стать богатой, Германия должна приобрести пространство.

Вся эта болтовня о пространстве нужна для того, чтобы придать программе германского империализма, стремящегося к безудержным территориальным захватам, видимость естественной необходимости. Гаусгофер себе на уме и, конечно, умалчивает о самом главном. Не германский народ, а лишь германские капиталисты нуждаются в большом пространстве, т. е. в чужих территориях, чтобы иметь возможность помимо германского народа эксплуатировать еще и другие народы. Сам Гаусгофер заявляет, что он не преследует никаких практических целей в политике. Он хочет лишь подвести под политику «научную основу». Необходимо научить германский народ «мыслить пространственно». И для этого в Германии за последние годы издается немало исторических, экономгеографических «трудов», печатаются диаграммы, статистические таблицы, географические карты. Открываются мнимые «биологические закономерности» вроде следующей: государство—биологический организм и как таковой имеет тенденцию к росту. Но для роста, т. е. для расширения государства, необходимо опять-таки пространство, пространство и еще раз пространство.

Другим основным понятием этой псевдонауки является понятие «динамики». Государства пребывают в пространстве, между государствами по закону динамики возникают постоянные «напряжения». Напряжения с естественной закономерностью приводят к конфликтам. Отсюда прямой путь к оправданию разбойничьих войн фашизма. Геополитики с ученым видом говорят о «действии на расстоянии», о «дальнем прицеле» и пробавляются всевозможными сочетаниями слова «пространство» с другими словами. Многие излюбленные словечки фашистов, которыми они жонглируют в своей пропаганде, вроде пресловутых лозунгов о «жизненном пространстве» или об «упорядоченном пространстве», состряпаны в зловонной кухне геополитики. С помощью слова «пространство» можно сказать многое, не прибегая к слову «агрессия».

Основанный Гаусгофером Геополитический институт в Мюнхене стал одной из главных лабораторий, где для германского народа готовится отравленная ложью фашистская пропаганда. Как видно из одного интересного сообщения о деятельности Гаусгофера¹, в 1941 г. под его руководством работало тысяча человек. За 1933—1939 гг. Геополитический институт собрал обширный шпионский материал со всех концов света. Он имел

¹ «The current History», June 1941, Hitler's Scientists.

свою агентуру за границей, и его эксперты разъезжали по всему миру. Гаусгофер поддерживал связь с другой шпионской организацией фашистов, со штуртгартским Институтом изучения заграницы, имевшим за границей 3 500 отделений. Еще одним детищем Гаусгофера является Иберо-Американский институт—опорный пункт германских фашистов в их происках в южноамериканских странах. По английским сообщениям, в июле 1941 г. Гаусгофер был арестован. Как бы то ни было, аргументы возвращенной им геополитики вошли в арсенал фашистской лживой пропаганды.

Историческая наука по всей линии настолько основательно и систематически подвергалась в Германии искажениям и фальсификации в интересах кровожадной военной пропаганды, для разжигания расовой ненависти и шовинизма, что невозможно говорить даже о какой бы то ни было историографии в фашистской Германии¹.

В самом деле, как можно говорить об исторической науке там, где злейшие враги человечества вроде Гитлера и его приспешников заявляют, что вся история есть не что иное, как извечная борьба рас между собой, т. е. вечная война.

Фашистские вожаки и их ученые лакеи в самых разнообразных формах и на различные лады занимаются фальсификацией мировой истории от ее истоков до наших дней. Заумный, варварский, выпрешенный жаргон Розенберга перекликается с академическим языком ученых прихвостней. Одни лгут напропалую, компенсируя недостающее им знание фактического материала неистовым поношением всего прогрессивного и светлого в мировой истории. Другие—профессионалы, академические зубры,—стремясь снискать к себе благорасположение новых властителей и хозяев, фальсифицируют и лгут более изощренно. Результат один и тот же.

История в освещении фашистов превращается в оперетту с передеваниями, которую можно было бы озаглавить так: «История народов как подготовка нацистского режима» или же—«Как мы обманываем германский народ». Так, Вавилония, Египет, Греция, Рим, по утверждению Розенберга, были созданиями нордического человека, Христос был арийцем, древние германцы не жили родовыми общинами-кланами и не стояли на низком уровне культуры, как клеветнически утверждает Тацит, вероятно подкупленный евреями, а были «высокоразвитым культурным народом», у них были короли и рабы. Центральной фигурой германской истории в период раннего средневековья был не

---

¹ Обширный материал по этому вопросу дает чешский историк и общественный деятель Неудлы в статье «Каннибальская расистская теория в фашистской историографии», «Исторический журнал» № 7 и 8 за 1941 г.

Карл Великий, как это утверждает либерально-демократическая историография, а языческий вождь саксов Видукинд, стремившийся задержать превращение Германии в культурную страну. Вся история Европы—история грабительских походов и завоеваний, причем величайшие подвиги выпали на долю немецких князей и рыцарей-разбойников с большой дороги, орденских рыцарей и прочего сброда. Цель такой историографии—сфабриковать фальшивки, подтверждающие притязания германского фашизма на право покорения других народов, и воспитать в населении шовинистические воинственные настроения. Этой же цели служит всяческое опорочивание других народов, «низших» и «нечистых» рас, предназначенных для того, чтобы быть у немцев в подчинении,—французов, славян, венгров и т. д. Само собой разумеется, что истинно фашистская историография лишь тогда считается полноценной, когда она обильно начинена всякими «ужасами» антисемитского порядка. Знаменитые «протоколы сионских мудрецов»—погромная брошюрка, давно разоблаченная как грубая фальшивка,—внедряется в школы в качестве учебника.

Фашисты создали особые «исследовательские институты», иначе говоря, пропагандистские центры, занимающиеся фабрикацией фальсифицированного исторического материала: Музей расоведения, Институт по исследованию иудаизма, Институт новейшей истории. Последний предназначен для фальсификации истории Германии со времени окончания первой мировой войны. В этом институте создаются легенды о подвигах Гитлера, якобы совершенных им во время первой мировой войны; характерно, что до 1933 г. никто ничего о них не слышал.

Это не мешает фашистам в то же время закрывать и разрушать институты и музеи большого научного значения. Так, в Эссене закрыт знаменитый Фолькванг-музей, обладавший ценнейшими этнографическими коллекциями.

Исходя из все того же «расистского принципа», фашисты объявили поход против прежнего литературо- и искусствоведения. Их история литературы игнорирует изучение стилей и творчества высокоодаренного индивидуума. Вместо этого они ввели характеристику литературных явлений по «местностям и племенам». Для них немецкая литература не представляет единого целого, они дробят ее на прусскую, баварскую, тюрингскую, саксонскую, силезскую и т. д. и даже на литературу северной, южной, восточной областей и т. д. и т. п.

Что касается филологии, то она должна поставлять доказательства правильности все той же «науки о расах». Все свелось по существу к переизданию давно сданной в архив гипотезы об арийско-индогерманском праязыке. Для всякого сколько-нибудь знакомого с вопросами филологии ясно, что все это—сплош-

ное шарлатанство и обман. На основе никогда не существовавшего языка доказывается существование «индогерманского пранарода».

Ряд филологов получил задание «очистить» немецкий язык от иностранных слов. Это привело к поистине варварскому искажению немецкого литературного языка, который в течение столетий прочно вобрал в себя множество иностранных слов.

Под видом философии в фашистской Германии проводится культ инстинкта, слепой веры, культ крови. Интеллект, разумное мышление стали предметом насмешек. «Философия,—говорит Розенберг,—это расовый символ веры», и на долю цеховых «философов» выпала сомнительная честь повторять в своих толстых книгах на все лады эти бредни авантюриста и убийцы Розенберга. Цеховые, с позволения сказать, «философы», в настоящее время занимающие кафедры в университетах, все эти беймлеры, крики, гейдеггеры и другие, извлекают из выгребных ям истории давно брошенные на свалку, прогнившие идеи реакционнейшего мистического идеализма и повторяют их на своем тарбарском жаргоне. Впрочем, эти книги, если не считать самих авторов, не находят себе читателей, так как штурмовики, эсэсовцы и превращенные в бессмысленных автоматов юнцы из «гитлеровской молодежи» не занимаются изучением «философии», а та часть подлинной интеллигенции, которая не эмигрировала и осталась в Германии, не желает брать в руки гнусные писания беймлеров и криков. Кстати, речь идет о том самом Беймлере, который в одном из своих выступлений заявил, что «философам» нацистского режима «нечего делать» с учениями Канта, Фихте и Гегеля. В дни юбилеев, заметил цинично Беймлер, мы их чествуем, но в будни мы их не читаем.

Вместо классиков немецкой философии фашисты возвели в ранг своего духовного вождя Фридриха Ницше. Ницше—апологет грубого насилия, власти сильного над слабыми, «человека-господина» над «людьми-рабами», ранний провозвестник германского империализма, отрицатель человеческой морали, прославитель «белокурой бестии», одержимый манней величия дегенерат и психопат, впавший под конец в безумие,—поистине это вполне подходящий для фашизма «духовный предок».

Фашистские и фашизированные «философы», разумеется, много занимаются «опровержением» материализма и восхваленном идеализма. Они употребляют эти понятия не в их философском значении.

«Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность к деньгам, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче—все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему

человечеству и вообще веру в «лучший мир», о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает верить лишь тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился, словом—когда ему приходится переживать неприятные последствия своих обычных «материалистических» излишеств. Любимая поговорка филистера гласит: Что такое человек? Полузверь, полуангел»¹.

Если бы стоило подвергать критике «философию» в фашистской Германии, то было бы легко доказать, что во всей насквозь лживой философии всех этих розенбергов, беймлеров, криков, максов, вундтов, германов, шварцев и тому подобных отсутствует какая бы то ни было, хотя бы и чисто формальная последовательность. С одной стороны, все сведено к расе и крови, а кровь—если слова вообще имеют какой-то смысл—есть нечто материальное, осязательное. С другой же стороны, фашисты отрицают всякое существование материи. Фашистские «философы», как чорта, боятся правды, а поэтому вынуждены спасаться в область «чистого» духа, где можно свободно лгать и прокламировать любой вздор. И вот философские лакеи Гитлера кувыркаются, как клоуны, то превознося до небес средневекового мистика мейстера Эккегардта, то заимствуя «идеи» у представителей самого вульгарного материализма. Ведь ко всему прочему фашисты—беззастенчивые плагиаторы. Их идеология представляет собой конгломерат натасканных отовсюду «идей».

Впрочем, вся эта псевдонаучная философия не играет сколько-нибудь заметной роли в рассчитанной на массы фашистской пропаганде. Фашисты нуждаются в более грубых и сильно действующих средствах в их борьбе против научного, критического мышления. Они поощряют голое суеверие в его различных формах. Предсказатели, маги, хироманты, ясновидящие, астрологи, знахари находят для себя в фашистской Германии благодатную почву. Отсталые слои населения, в той атмосфере всеобщей неуверенности, страха и отчаяния, в которой они живут со времен войны, ищут спасения в суеверии. Фашистские правители поощряют эти формы дополнительного обмана масс, и значительная их часть сама принадлежит к числу суеверных маньяков и психопатов. Известно, что Гитлер до 1933 г. неоднократно обращался за предсказаниями к некоему Гануссену, профессиональному хироманту, проживавшему в предместье Берлина Вейсензее. Несколько месяцев спустя после установления фашистской диктатуры Гануссен был найден убитым. Говорят, что он предсказал Гитлеру плохой конец... Заместитель Гитлера

---

¹ Энгельс, Людвиг Фейербах, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 27.

Гесс в свою очередь часто посещал хироманта. В 1936 г. в Дюссельдорфе состоялась всемирная конференция «научных астрологов». Эти пройдохи почувствовали себя в фашистской Германии настолько хорошо, что перенесли свой руководящий орган в Дюссельдорф. Газета «Франкфуртер Цейтунг» в связи с этим событием отметила как крупный успех то обстоятельство, что «Германия стала ведущей страной в области астрологии». Воистину никто не станет отрицать, что фашистская Германия в деле распространения суеверия обогнала все другие страны. Ведь объявил же мракобес из мракобесов Розенберг магию источником истинной мудрости. Ему принадлежат слова: «Господство разума означает конец культуры».

Фашисты поощряют и так называемые «окультизные знания», антинаучные, мистические учения. Особенной популярностью пользуется «теософия» шарлатана Рудольфа Штейнера, которая оказалась для ее автора настолько прибыльным делом, что оно позволило ему стать совладельцем известной папиросной фабрики «Вальдорф-Астория». Они терпят и поощряют всевозможные «общества реформированной жизни и бессмертия», «союзы познания невидимой реальности», короче, суеверие во всех его формах и видах.

Учение о расах, геополитика, фальсификация истории, мистика и магия—все это служит для того, чтобы отравлять мозги фашистской военной пропагандой или подготавливать для этой пропаганды благодарную почву. Не менее важно для фашизма создавать в умах путаницу и по вопросам экономики Германии.

Фашисты не могут допустить у себя существования экономической науки, так как она полностью разоблачила бы лживость их хвастливых уверений, что они «ликвидировали капитализм», что в Германии нет больше классов, а есть только «народное единство». Фашисты, возглавляющие министерство хозяйства, вроде Функа, а ранее Шахта, провозглашают лозунги, которые должны служить ширмой для их разбойничьей агрессивной политики: «автаркия», «экономика великого пространства», «новый порядок в Европе». Такие лозунги, как «плановое хозяйство», «немецкий социализм», должны прикрывать тот факт, что в Германии господствует монополистический капитал. Своим газетным писателям они предоставляют всячески разукрашивать эти лозунги. Наряду с этим фашисты заручились своими собственными «теоретиками» и подкупленными профессорами. Первым «теоретиком» фашистов был Готфрид Федер, из лекций которого Гитлер в 1919 г. почерпнул свои начальные сведения в политэкономии. Федером же составлена экономическая часть программы фашистской партии. Этот свихнувшийся мелкий банковский служащий был одержим навязчивой идеей «сломить процентное рабство»; в этом он видел разрешение всех проблем

послевоенной экономики Германии. Гитлер не преминул использовать этот лозунг как весьма пригодный для обмана мелкобуржуазных масс. И в самом деле, многие разорившиеся и задолжавшие банкам ремесленники и крестьяне, стонущие под тяжестью ипотек, с отчаяньем утопающих схватились за надежду, что «уничтожение процентного рабства» вызовет их из нужды. Конечно, когда фашисты пришли к власти, об «уничтожении процентного рабства» не было больше и речи. Задолженность крестьян еще сильнее возросла, ремесленники еще больше разорялись и сотнями тысяч загонялись на военные предприятия. Сам Федер был отстранен и сдан в архив.

Другой лжетеоретик фашистов—редактор экономического отдела газеты «Фелькишер Беобахтер» Нонненбрух. Среди прочей его стряпни выделяется книжка, озаглавленная «Динамическое хозяйство». Все известные, насквозь лживые, выпревшие, пронизанные лицемерным идеализмом обороты речи, знакомые нам уже по книгам Розенберга, всплывают здесь снова, на этот раз в применении к экономике. Особая задача фашистской политекономии состоит в том, чтобы «доказать», что в фашистской Германии капитализм преодолен и осуществлен «социализм». В действительности в фашистской Германии худшая форма империализма безраздельно господствует в экономике. Вся полнота власти принадлежит наиболее озверелой части германских империалистов. Фашистские правители сами вошли в число крупных империалистов. Произошло своего рода сращение старой и новой плутократии. Что в таком случае остается делать «теоретику»? Надо извратить истинный смысл слов и таким образом создать в мозгах полнейшую путаницу. И Нонненбрух делает открытие, что социализм—понятие не материального, а «духовного» порядка. Стоит немецкому народу уверовать в учение фашистов, как он «духовно овладеет социализмом». Надо «возвыситься над экономикой». «Честь» важнее материальных благ. Вся эта лицемерная болтовня о «душе» и «чести»—не что иное, как косвенное признание того, что фашистская тирания, наперекор всем ее демагогическим обещаниям, не смягчила материальной нужды и нищеты народа, да и не собирается ее смягчать, а, наоборот, увеличивает ее до крайних пределов.

«Теоретик» Нонненбрух прокламирует, впрочем, банкротство всякой теории. Он мечет громы и молнии по адресу всех экономических теорий прошлого. Враждебное отношение, ненависть фашизма к теории, т. е. к науке, представлена с особенной наглядностью у этого изувера. Все теории, по его словам, это построения разума. Динамика, жизнь не знает никаких теорий. Фашисты, заявляет Нонненбрух, не признают вообще никакой теории, а только «жизненность расового инстинкта».

Однако не только жалкие гитлеровские креатуры типа Нонненбруха, но и люди вроде Зомбарта, когда-то выступившего с работами, высоко поднимающимися над средним уровнем буржуазной экономической науки, своим враждебным отношением к теории и знанию доказали, что они приспособились к фашистскому режиму. Политэкономия, утверждает Зомбарт в своей книге «Три политэкономии», не в состоянии познать истину. Политэкономия вовсе не наука, а своего рода «страсть», т. е. нечто среднее между любовным чувством и картежным азартом.

Фашисты публикуют много материала по иностранной экономике, разумеется, обработанного в интересах германского империализма. Поскольку же этот материал касается самой фашистской Германии и должен был бы давать конкретные факты, он представляет собой чистейшее фокусничество, манипулирование циркового фигляра. Печатные «труды» по вопросам германской экономики не содержат на протяжении целых страниц, томов, книг ни одного факта, а только фразы. Так, вышла целая литература о «четырёхлетнем плане». Однако об этом мнимом «плане» никогда не публиковалось конкретных данных, ни разу не было публично сказано ни слова о том, какие цифры производства он предусматривает и каковы итоги его выполнения. Существует целая литература по «науке о труде», выпускаемая «германским трудовым фронтом». Но тот, кто надеется из этих публикаций получить сколько-нибудь достоверные фактические данные о положении рабочего класса в Германии, глубоко ошибается. Книжки в фашистской Германии издаются не для того, чтобы сообщать правду, а для того, чтобы ее скрывать.

Фашисты бегут не только от теории, они стараются уйти и от фактов, ибо факты служат против них обвинительным материалом. Им ничего не остается, как беззастенчиво лгать и изворачиваться или же, подобно Нонненбруху, болтать о том, что экономика—это «духовное переживание» и «дело чувства».

Таковы попытки фашистов заменить гуманитарные науки лженаукой.

Как же в фашистской Германии обстоит дело с естествознанием?

Некоторые представители естественных наук на Западе склонны думать, что естествознание и математика в силу своего специфического характера защищены от произвола фашистов. Так могут думать только люди, которые не видят ничего за пределами своей узко специальной области. Фашисты делают свое разрушительное дело в области естествознания, так же как и в области гуманитарных наук. Невозможно фальсифицировать и разрушать общественные науки и одновременно оставлять неприкосновенным естествознание.

Фашистские варвары враждебно относятся к естественно-научной теории уже из-за тех выводов, которые неизбежно вытекают из нее для общего мировоззрения: теоретическая физика, теоретическая биология разоблачают суеверие и реакционную мистику, которые фашизму необходимо сохранить в интересах его собственного «мировоззрения». С другой стороны, прикладные отрасли естествознания, как, например, медицина, непосредственно связаны с вопросами социальной политики. Требования медицины в отношении охраны человеческого здоровья находятся в резком противоречии с бесчеловечной практикой фашистов, с разрушающей здоровье потогонной системой на предприятиях, с 14—16-часовым рабочим днем для женщин, молодежи и детей, с постоянным недоеданием немецкого народа. К тому же выводы биологических и медицинских исследований находятся в непримиримом противоречии с преступным безумием расизма (закон против «осквернения расы», стерилизация и т. д.). Отсюда и проистекает то, что германский фашизм, с одной стороны, стремится использовать для своих враждебных культуре целей, для разбойничьих войн и угнетения народов новейшие достижения естествознания и техники, а с другой стороны, на каждом шагу вступает в конфликт с естествознанием как в области теории, так и в области практики.

Наконец, науке необходимы люди, кадры, а германские фашисты лишают Германию ее ценнейших научных сил.

Ярким примером враждебного отношения фашистов к естественно-научной теории может служить травля теоретической физики в Германии.

Фашистские главарь и некоторые реакционно настроенные физики во главе с Ленардом и Штарком объявили войну современной теоретической физике. Их ненависть обращена прежде всего против созданной Эйнштейном теории относительности. Еврей по национальности, Эйнштейн—прогрессивно мыслящий ученый, противник империалистической войны и противник фашизма. Таковы мотивы, побуждающие фашистов к травле теории относительности. Но дело не только в ненавистной для них фигуре Эйнштейна. Фашисты свирепо ненавидят самую теоретическую физику. Мракобесы, руководящие ныне культурой в Германии,—вообще противники теоретического углубления естественно-научных знаний и хотели бы свести науку к чисто практическим манипуляциям, измерениям и вычислениям, сузить ее роль до непосредственного обслуживания армии и военной промышленности. Так надо понимать изречение имперского министра просвещения, обер-мракобеса Руста, вызвавшее много смеха в научных кругах Германии: «Национал-социализм относится враждебно не к науке, а только к теориям». Характерен также факт, что в августе 1941 г. руководителем Института

естественно-научных исследований имени кайзера Вильгельма был назначен не ученый, а генеральный директор Стального треста Альберт Феглер.

Среди фашистских правителей в ходу самые нелепые и путанные представления о теории относительности. Они эту теорию понимают в том смысле, что «все относительно», и видят в этом угрозу своей всеобъемлющей деспотии. Поэтому они боятся теории относительности, как чорт ладана, и заботятся о том, чтобы ежегодно выходило несколько книг для опровержения этих «анархистских измышлений».

Каково же содержание той критики, которой фашистские специалисты-физики подвергают теорию относительности Эйнштейна и вообще теоретическую физику? Стоит ли она на более высоком уровне, чем брань Геббельса и Розенберга по адресу «еврейской физики»? Отнюдь нет. В том-то и сказывается глубокий упадок культуры в коричневой Германии, что дискуссии по существу предмета стали там невозможны, а вместо этого шарлатанам дозволяется утверждать все что угодно, лишь бы они говорили в духе, угодном фашистским властям. Те немногие физики, которые продались фашистам,—Ленард, Штарк и Иордан—говорят примерно следующее: теоретическая физика—«еврейская физика», а не «немецкая физика». И это не только потому, что Эйнштейн—еврей по рождению, а еще и потому, что «переоценка теории», иначе говоря, абстрактных математических формул,—вообще якобы еврейская черта. Теория—так утверждают Ленард и Штарк—непричастна к открытиям в области физики, сделанным за последние десятилетия. О том, каким наглым искажением действительного положения вещей является это утверждение, может судить каждый, имеющий хотя бы какое-нибудь отношение к физике. Новейшие достижения физики совершенно немыслимы без теории относительности Эйнштейна, без квантовой теории Планка, без теоретических исследований строения атома. Не меньшей дикостью является утверждение, что к теоретической математической физике не имеют отношения немецкие ученые. Среди сторонников теории относительности много немецких, «арийских» физиков с европейскими именами. Так, физики Зоммерфельд, Шредингер, Гейзенберг мужественно отразили хулиганские нападки на теорию относительности Ленарда и Штарка. Со своей стороны фашисты не преминули изгнать из страны многих физиков-экспериментаторов за прогрессивный образ мыслей.

Физики, перешедшие в лагерь фашистов и опозорившие себя как деятелей науки, стали самыми рьяными фидеистами и мракобесами. Кто сказал «а», должен сказать и «б». Насколько глубоко могут пасть подобные люди, видно на примере Иордана, усматривающего «объективное значение» науки в том, что она служит

разбойничьим войнам фашистов. Тот же Иордан ставит средневековые выше нового времени. Ясно, что подобные типы не имеют ничего общего с наукой, хотя бы они и были физиками или биологами профессионалами. Они стали платными агентами злейших врагов науки.

Из таких же побуждений и примерно теми же методами, которые применяются против теоретической физики, ведется злобная, насквозь антинаучная борьба против математических учений и школ, как, например, против знаменитой геттингенской школы. Эта школа характеризуется как «не немецкая», как слишком «абстрактная». Подлинная же причина травли заключается в том, что ведущие представители геттингенской школы оказались противниками фашизма. В настоящее время Геттинген как центр математических изысканий перестал существовать.

Враждебное отношение фашизма к теории повлекло за собой в Германии упадок науки в целом. За все годы господства фашизма в Германии не выдвинулся ни один новый исследователь, в ней не было сделано ни одного крупного научного открытия. Конечно, высокоразвитая немецкая техника продолжает функционировать и при нынешнем режиме. Химия также может отметить некоторые успехи в деле производства заменителей в Германии. Но все это—результат предшествующих долголетних теоретических изысканий и подготовительных экспериментальных работ. Фашисты живут исключительно наследием предыдущей эпохи. Например, производство синтетического бензина основывается на результатах двадцатилетних подготовительных работ, проведенных Бергиусом и другими химиками при столь ненавистной фашистам Веймарской республике.

Опорочивая теоретическое исследование в области естествознания и изгоняя крупнейших теоретиков за пределы страны, фашизм тем самым подрывает основы всякого дальнейшего плодотворного развития естествознания, а вместе с тем и техники в Германии. В этой связи небезынтересно отметить, что журнал «Ди Хемише Индустри» с беспокойством говорит о постепенном переходе к иностранным ученым ведущей роли в исследовательских работах по атомной физике, атомной химии, изучению коллоидов, искусственной радиоактивности и даже изучению металлов.

Разрушительная деятельность фашистов в области науки находит свое самое наглядное выражение в преследовании передовых ученых Германии.

Наиболее выдающиеся деятели немецкой науки были изгнаны за пределы страны, в том числе Эйнштейн, Джемс Франк, награжденный нобелевской премией, а также ряд других физиков, имена которых пользуются европейской известностью: Борн, Шредингер, Корн, положивший начало исследованиям в области теле-

видения. Фашисты прогнали с поста директора Института имени кайзера Вильгельма химика Фрица Габера, открывшего способ синтетического добывания азота из воздуха. Без этого открытия Германия не смогла бы участвовать в мировой войне 1914—1918 гг., так как она была лишена возможности получать чилийскую селитру и не располагала другими источниками снабжения азотнокислыми солями. Попавший в опалу Габер умер в одиночестве в эмиграции. Бернгард Цондек, врач и биолог с мировым именем, выдающийся исследователь гормонов Курт Гольдштейн, ведущий ученый в области изучения мозга известный психиатр Кронфельд и многие другие ученые-врачи также вынуждены были эмигрировать. Лишены кафедры, изгнаны из своих институтов и за пределы страны многие известные демократически настроенные экономисты, социологи и юристы, среди них—экономисты Альфред Вебер, Гармс, Ледерер, Гумбель, Штаудингер, правоведы Кельзен, Аншюц, Шюккинг (известный знаток международного права). Изгнанию подверглись философы Эдуард Гуссерль, Эрнст Кассирер, известные психологи Е. Вертеймер и Вильям Штерн, труды которого по психологии ребенка представляют большой интерес для педагогики, биолог Шаксель. Умеренно либеральные историки вроде Германа Онкена и Фридриха Мейнеке, пользовавшиеся большим авторитетом в Германии, отстранены от преподавания в университете. Ученым, оберегающим честь своей профессии и не желающим участвовать в фашистском обмане, нет места в фашистских высших учебных заведениях.

Многие ученые были доведены до самоубийства фашистскими палачами от культуры. Они покончили с собой, чтобы избавиться от унижений и преследований, которым подвергали их в коричневой Германии. Только с 1933 по 1938 г. зарегистрировано 18 случаев самоубийства университетских профессоров в Германии и Австрии. Среди погибших—профессор Грейфсвальдского университета психиатр Форстер, известный гинеколог Франкель (Вена) с дочерью, пользовавшийся мировой славой детский врач Кнепфельмахер (Вена) с женой. В прощальном письме Кнепфельмахер с горечью писал: «Я спас жизнь 60 тысячам детей, а теперь сам вынужден лишиться себя жизни».

Но фашисты не ограничиваются травлей ученых, доводящей их до самоубийства. Они не останавливаются и перед убийством из-за угла. Ведь никаких законов морали и никакого стыда перед цивилизованным миром для них не существует. Так, профессор высшей технической школы в Ганновере Теодор Лессинг, автор ряда интересных трудов по истории культуры, был изгнан из Германии, а затем убит в Чехословакии гитлеровским агентом: он имел мужество разоблачать расистские бредни фашизма.

Фашисты не знают меры и удержа в своем изуверстве. Кто признает научные заслуги врагов фашизма, того озверелые палачи из гестапо клеймят в своем официальном органе «Дас Шварце Кор» кличкой «белого еврея». Имя крупного немецкого математика Кантора, автора теории множеств, запрещено произносить ввиду еврейского происхождения ученого. Точно так же в фашистской Германии наложен запрет на имя польки Марии Кюри, открывшей радий, или же на имя всемирно известного физика лорда Ретерфорда—антифашиста.

Число изгнанных из Германии профессоров и доцентов, по далеко не полным данным комитета германских ученых, эмигрировавших из Германии, составляет свыше 2 тысяч, из них 311 врачей, 170 химиков, 82 физика, 107 экономистов, 50 биологов, 40 историков искусства, 41 физиолог, 40 психологов и так далее. Число эмигрантов, работников умственного труда с законченным университетским образованием составляет более 10 тысяч, одних врачей среди них насчитывается 3 тысячи.

Эмигрировавшие из фашистской Германии ученые продолжают свою научную деятельность за границей. Многие из них уже обогатили науку ценными результатами своих новых работ. Несколько лет тому назад в Пассадене (штат Калифорния, США) возник новый научный центр исключительно из ученых, эмигрировавших из фашистских стран, главным образом из Германии. Некоторые ученые нашли приют в Лондоне, другие уехали в СССР. Их труды находят широкое признание, их творческие силы удалось сохранить для науки.

В Германии же науке в результате изгнания многих наиболее выдающихся ученых нанесен невозместимый ущерб в двойном отношении. Физики, химики, врачи, историки, специалисты по международному праву, изгнанные фашистами, были не только исследователями, но и воспитателями учащейся молодежи, готовившими новые поколения научных работников.

Но какое дело до этого фашистам—врагам науки и культуры? Ведь все их стремления направлены именно на разрушение высших учебных заведений как очагов науки и превращение их в питомники «штурмовиков духа»...

После установления фашистской диктатуры в 1933 г. фашисты немедленно приступили к разрушению высшей школы. Число женщин, получающих высшее образование, было сокращено вдвое. Студенты-евреи подверглись исключению. Общее число студентов за 1932—1938 гг. сократилось с 130 тысяч до 70 тысяч. За последние годы оно еще резче пошло на убыль. Этот развал высшей школы обусловлен рядом причин. Во-первых, доступ к высшей школе закрыт для всех политически «неблагонадежных элементов». В высшую школу принимают только членов различных фашистских организаций. Во-вторых, высокая плата за

учение—7—8 тысяч марок за четыре года—недоступна для большинства молодежи. Наконец, фашизм, стремясь всеми средствами сократить число интеллигенции, отпугивает молодежь от тех профессий, которые связаны со словом «интеллигент», превращенным фашистами в ругательную кличку.

Картина развала высшей школы предстанет перед нами в еще более ярком свете, если мы ближе рассмотрим по отдельным разделам статистику высшей школы.

Упадок образования в Германии характеризуется резким сокращением числа учащихся высших технических учебных заведений. В 1937 г. число студентов высших технических учебных заведений составляло только 44% по отношению к контингенту 1928 г.; в техникумах соответствующий процент равнялся только 41.

В 1932 г. число выпускников вузов доходило до 2782, в 1939 г. оно составило только 1100, а в 1940 г. упало до 750, что составляет всего лишь 27% числа выпускников 1932 г.

Еще более катастрофично сокращение числа окончивших техникумы. В 1929 г. в Германии окончило техникумы 9250 человек, в 1938 г.—4 тысячи, а в 1940 г. это число снизилось до 2 тысяч¹.

Число студентов медицинских, юридических и прочих факультетов сократилось примерно в таком же объеме.

Аудитории пустуют, многие кафедры осиротели. Но дело не в одном только сокращении числа студентов. Уровень преподавания в высшей школе стал неслыханно низким.

Резкое ухудшение подготовки инженеров, химиков, врачей и работников других интеллектуальных профессий не остается тайной и в пределах самой Германии. Если иметь в виду, что большое число учебных часов в германских университетах отводится на такие предметы, как «оборонный спорт», «лагерная служба» и «учение о расах», а у медиков еще и на «расовую медицину», то можно себе представить, каково должно быть качество подрастающей новой смены специалистов. Готовятся не врачи, а фактически только фельдшеры, да и то на ускоренных курсах сомнительного качества. Вместо квалифицированных врачей, тысячами изгнанных из Германии, к врачебной практике допускаются так называемые «знатоки целебных свойств природы», т. е. стопроцентные знахари и шарлатаны, лишь бы они были политически благонадежны. По приблизительным подсчетам, около 30% лиц, занимающихся в Германии медицинской практикой, не имеют врачебных дипломов.

В Германии зубные врачи и фармацевты были когда-то людьми

¹ Цифры для 1940 г. выведены с приблизительной точностью из данных официальной статистики.

с высшим образованием. Теперь лицам, избравшим себе одну из этих профессий, доступ в высшую школу закрыт, они проходят подготовку в так называемых профессиональных школах. При Веймарской республике наблюдалось стремление повысить квалификацию части учителей путем организации для них специальных высших школ. Фашисты отменили высшее образование для учителей и вернули к жизни прежние мало удовлетворительные двухгодичные учительские семинары довоенного времени.

Не удивительно, что молодежь не решается избрать плохо оплачиваемую и мало популярную профессию учителя. В результате в Германии в настоящее время ощущается острая нехватка учителей. Вместо уволенных за «неблагонадежность» высококвалифицированных преподавателей в школы направляются фашистские ставленники—фельдфебели и штурмовики, не имеющие никакого педагогического образования.

Фашизм не только дисквалифицирует интеллигенцию, он истребляет целые слои интеллигенции, потому что в квалифицированных работниках умственного труда он видит «неблагонадежные элементы». И не без основания. Фашистские правители прекрасно знают, что лучшая часть германской интеллигенции, испытывая отвращение к обскурантской, враждебной культуре сущности фашизма, все сильнее настраивается против господствующего ныне в Германии режима. Фашизму не нужны критически мыслящие, научно образованные, преданные истине ученые и воспитатели подрастающего поколения. Фашизм хочет превратить работников умственного труда в армию низших служащих с узким кругозором и скудным запасом знаний, в автоматов, не умеющих и не желающих думать, но зато со слепой покорностью выполняющих приказания своего начальства. Еще до начала войны фашисты вскормили гигантскую паразитическую бюрократию, увеличив за семь лет число чиновников на 2 миллиона; в то же время они систематически сокращали число школьных учителей, преподавателей высших школ, врачей, инженеров и художников.

Одна из причин—если не самая главная—сокращения числа студентов заключалась, несомненно, в том, что огромная фашистская военная машина предъявила повышенный спрос на офицеров.

В 1937—1939 гг. около 50% окончивших средние школы, время учебы которых было к тому же сокращено на год, подали заявления о приеме в военные школы. В результате в Германии замечается острый недостаток инженеров и врачей.

Что касается тех профессоров и ученых, которые предпочли остаться в Германии, чтобы сохранить насиженные места в своих университетах и лабораториях, то они терпят величайшие моральные унижения. Фашистские правители делят профессоров и

научных работников, да и вообще всех работников умственного труда, на две категории. Одни—это фашистские ставленники. Их выдвигают на руководящие посты, они представляют собой «фюрерский слой», слой «господ» от науки. Остальные—это те, кто дал себя «унифицировать». Это та часть буржуазных профессоров, которые и раньше стояли близко к реакционным партиям, или же те, кто ставит превыше всего свои материальные интересы. Их участь в фашистской Германии весьма незавидна. От них требуют беспрекословного повиновения. Кто восстает против варварского «учения о расах» и преступных мероприятий по «повышению качеств расы» или же высказывается против преследования крупных ученых, тот снимается с должности и изгоняется. Когда у знаменитого физика Макса Планка истощилось терпение и он обратился к Гитлеру с жалобой на невыносимые условия, создавшиеся во вверенном ему Институте имени кайзера Вильгельма, Гитлер ему ответил: «Только ваш преклонный возраст удерживает меня от того, чтобы отправить вас в концентрационный лагерь».

Между «унифицированными» университетскими профессорами старой школы и вновь пришедшими в университеты фашистами идет ожесточенная война за выгодные местечки, идет взаимное подсиживание. «Старики» ссылаются на свою квалификацию и специальные знания, а «молодые» обвиняют их в том, что они работают с фашистами из карьеристских соображений. При этом главнейший их «аргумент»—это апелляция к гестапо или же к головорезам из СС. Несколько профессоров, специалистов по государственному праву, осмелились критически отозваться об одном сочинении молодого фашистского автора. Тогда орган эсэсовцев, газета «Дас Шварце Кор», в номере от 31 июля 1941 г. обрушилась на них с недвусмысленными угрозами. Мол, все эти профессора после 1933 г. из шкурных соображений перебежали на сторону Гитлера. Так пусть же они молчат и не изводят бумаги понапрасну. Это им добрый совет от СС, сказано было в заключение тоном угрозы.

Если поближе присмотреться к тем ученым в фашистской Германии, которые принадлежат к «фюрерскому сословию», то можно обнаружить, что это—либо шарлатаны, никогда не имевшие ничего общего с наукой, либо бездарные, но одержимые маньей величия карьеристы, которые в силу своего ничтожества не сумели выдвинуться или во всяком случае немногого достигли до прихода фашизма к власти и примкнули к фашизму в надежде таким путем сделать карьеру. (Это вообще типичное для фашистской Германии явление.) Профессора, выдвинувшиеся при фашистском режиме, по своим знаниям—явные ничтожества, а по своему характеру—проституированные карьеристы. К их числу относится, например, Эвальд Банзе, автор бездарных трудов по

географии, который в качестве доверенного лица фашистов трудится сейчас над разрушением географической науки и над развалом преподавания географии в Германии. К ним относятся также мракобесы Крик и Беймлер или же некий «философ» Макс Мессер, компилятор и заштатный преподаватель гимназии в Гисене, который так подличал перед фашистами, что ныне возведен ими в ранг авторитета по вопросам оккультизма, т. е., иными словами, является профессором суеверия. Одно из обычных при фашизме явлений—выдвижение уголовных элементов и людей с подозрительным прошлым. Доцент Гейдельбергского университета Арнольд Руге, в научном отношении полное ничтожество, был в 1919 г. отстранен советом университета от преподавания за антисемитскую агитацию и развратный образ жизни. Он стал членом террористской организации и попал на каторгу за политическое убийство. Сейчас он профессор философии в Росток.

На посты директоров больниц, медицинских институтов, главных редакторов научных журналов назначаются невежды и шарлатаны, единственной рекомендацией которым служит то, что они состояли в штурмовых отрядах или проявили себя как ярые антисемиты. Под руководством таких людей гибнет медицинская теория и практика, высоким уровнем которых Германия когда-то справедливо гордилась.

Руководителем берлинского городского отдела здравоохранения был назначен доктор Клейн, до того работавший окружным врачом в Висбадене. Единственной его «заслугой» является то, что он основал и возглавил местную банду штурмовиков. Этот человек, которому вверено все дело здравоохранения многомиллионного населения города Берлина, не может похвалиться ни одним научным трудом. Первым его делом по вступлении в новую должность было закрытие туберкулезных диспансеров при больничных кассах.

Отделение инфекционных заболеваний при больнице имени Вирхова в Берлине под руководством профессора Фридмана проделало большую работу по выяснению природы ряда инфекционных заболеваний. Фридман и его сотрудники обогатили наши знания о возбудителях скарлатины, а также нашли ряд профилактических мероприятий, предупреждающих возможность заражения этой опасной болезнью. Фашисты прогнали Фридмана как еврея и попросту закрыли это отделение больницы имени Вирхова, занимавшее первое место среди лечебных учреждений Берлина.

Главным редактором Германского медицинского еженедельника назначен некий Пикган, в прошлом корабельный врач. До установления фашистского режима ему была доверена работа в рентгеновском отделении одной из берлинских больниц, однако по

истечении полугодового испытательного срока он был уволен как по отсутствию необходимых специальных знаний, так и по недостатку общего медицинского образования.

Об упадке медицины в современной Германии публично заявил на заседании Венгерской Академии наук крупнейший авторитет Венгрии в области медицины, профессор Александр Корanyi, человек, по своим политическим убеждениям принадлежащий к правым. В то время, правда, Венгрия еще не была оккупирована гитлеровскими ордами.

За время войны, еще более усилившей фашистский террор внутри страны, разрушение науки в Германии протекает ускоренными темпами. Наука в Германии закована в цепи. Только свержение Гитлера и его каннибальского режима освободит ее от цепей.

ГЛАВА III

ФАШИЗМ — РАЗРУШИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

После установления своей кровавой диктатуры германские фашисты привели в движение весь имеющийся в их распоряжении гигантский принудительный аппарат, чтобы подчинить себе литературу и искусство и превратить их в орудие своей лживой пропаганды. Уже свыше девяти лет Гитлер, Геббельс, Розенберг и их банда прилагают отчаянные усилия к тому, чтобы искоренить прогрессивные традиции в немецкой литературе, парализовать ее влияние на широкие слои немецкого народа. Они стремятся насадить такую «литературу» и такое «искусство», которые были бы плотью от плоти фашистского режима, его достойным порождением.

Гитлер, в прошлом бывший ко всему прочему еще неудачливым «художником», бездарным «маляром», как его называют в Германии, с того момента когда ему было отказано в приеме в Венскую Академию художеств, стал заклятым врагом современного искусства. В своей грязной книжонке «Моя борьба» он рвет и мечет против современного искусства, особенно против искусства последних трех-четырёх десятилетий. Он нападает на всякое искусство, предметом которого не является «арийско-нордический человек». Гитлер пытается натравить немецкого обывателя на прогрессивное искусство, спекулируя на его низком культурном уровне. Ища популярности среди обывателей, он поощряет низкопробное искусство. Так же как и науку, Гитлер стремится использовать искусство для восхваления кровавой агрессии фашизма, он хочет вызвать к жизни псевдоискусство, лжеискусство. Его идеал в литературе, как и в искусстве,—

бульварщина самого низкого пошиба. Его любимый писатель— Карл Май, автор дрянных романов из жизни индейцев, в которых идеалы людоеда находят себе достойное воплощение. Эти романы полны кровавых сцен, в которых люди подвергаются скальпированию и пыткам. На таких и подобных этим «описаниях» фашистская молодежь воспитывается для роли убийц, которую она должна выполнять в разбойничьих войнах Гитлера.

«Миф XX столетия» Розенберга также полон диких выпадов против всех произведений литературы и искусства, выражающих великие гуманистические и прогрессивные демократические идеи человечества. Величайший поэт Германии Гете, как известно, создал и ввел термин *мировая литература*, в которой он видел синтез лучших творений всех национальных литератур, выражение плодотворного сотрудничества народов. Розенберг отрицает существование мировой литературы: «Каждая раса имеет свое особое искусство». А так как нордическая раса, с его точки зрения, выше всех других рас, то она и создала самое высокое искусство. Расистское безумие не хочет считаться с самыми элементарными историческими истинами вроде, например, той, что греки создали непревзойденные образцы искусства еще в тот период, когда германцы не знали ничего об искусстве. Розенберг, нагло фальсифицируя историю, изрекает: «От крестьянской хижины нордической средней Европы берет свое начало искусство греков. Эта крестьянская хижина—прообраз греческого храма». С таким же правом можно было бы утверждать, что руны, которые древние германцы вырезали на своем оружии и утвари, послужили основой для философии Аристотеля.

Подобно Гитлеру Розенберг иступленно ругает современное искусство, называя его порождением евреев и декадентов и характеризуя его как искусство «вырождения». Геббельс, который наделен в фашистской Германии диктаторскими полномочиями в отношении искусства и пользуется здесь неограниченной властью, если только в эту область не вмешивается сам Гитлер, заявил в одной из своих речей, что «самое великое произведение искусства нашего времени—это штурмовые отряды».

Такова «идеологическая» основа той разрушительной работы, которую фашисты проделали в области искусства и литературы.

Естественно, что фашисты видят в великих представителях классической немецкой литературы своих врагов. В самом деле, произведения Лессинга, Гете и Шиллера—это настоящий обвинительный акт против варваров и каннибалов вроде Гитлера, Розенберга, Геббельса. Конечно, фашисты слишком скомпрометировали бы себя в глазах немецкого населения, знающего и любящего своих классиков, если бы они осмелились их открыто поносить. И все же временами их прорывает: в слепой

зlobe ко всей подлинной культуре они доходят и до открытых злобных нападков на немецких классиков. Плюгавое ничтожество Розенберг осмеливается следующим образом отзывать о великом Лессинге: «Лессинг, исходя из псевдогуманистического идеала, создал предпосылки для нынешнего еврейского засилия в театре» (имеется в виду пьеса Лессинга «Натан Мудрый»), страстное обличение расовой травли и антисемитизма).

Фашистам неудобно открыто запрещать постановку классических пьес. Тем не менее «Эгмонт» Гете сошел со сцены: это замечательное изображение освободительной борьбы голландского народа против тирании—прямой удар по современному германскому фашизму, злейшему угнетателю и истязателю свободолюбивого голландского народа.

Но в еще худшее положение попадают фашистские изверги, когда они допускают классические пьесы к постановке. Так случилось с «Дон Карлосом» Шиллера. Слова маркиза Позы, обращенные к королю Филиппу: «О, дайте, государь, свободу мысли», берлинцы встретили бурными аплодисментами. Зрительный зал использовал этот случай для демонстрации против фашистской тирании. Присутствовавшие на спектакле фашистские главари, не помня себя от ярости, покинули театр, а Геббельс распорядился, чтобы крамольные слова были вычеркнуты из пьесы. Но к чему это привело? В следующий раз публика ответила демонстрацией, когда крамольные слова не прозвучали со сцены. Постановка «Дон Карлоса» была окончательно запрещена.

Та же судьба постигла в фашистской Германии и шекспировского «Отелло». Отелло—мавр, и выбор Дездемоны настолько предосудителен с точки зрения «расовой чистоты», что фашисты не могут допустить такого поругания их святыни на германской сцене. Ведь в 1941 г. можно было увидеть в Германии немало девушек, привязанных к позорному столбу, с наголо обритой головой и плакатом на груди: «Я отдалась поляку».

В школе детям сообщают из произведений Гете и Шиллера только тщательно подобранные отрывки. Гениальный немецкий поэт Генрих Гейне вычеркнут из литературы. Его имя в Германии запрещено произносить. Но как же быть с такими стихами Гейне, как песня о Лорелее, которую вот уже более ста лет распевает вся Германия? Это стихотворение в литературных хрестоматиях обозначается как анонимная «народная» песня.

Как относится фашизм к современным писателям? Прогрессивные писатели Германии нашли в себе мужество заклеить кровавый режим фашизма. У Гитлера на это один ответ: в огонь их произведения! Сами писатели, противники фашистского режима, были брошены в концентрационные лагеря, убиты, замучены до смерти или же изгнаны из Германии и лишены германского подданства. Эрнх Мюзам, баварский писатель,

активно участвовавший в создании Мюнхенской советской республики, после многолетних зверских истязаний в концентрационном лагере Дахау был найден повешенным. Мужественный антифашист Осецкий, издатель журнала «Нее Вельбюне», многолетними пытками был доведен до самоубийства. В то время когда фашисты держали его в концлагере, ему присуждена была нобелевская премия мира... Крупнейшие немецкие писатели Генрих Манн, Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Якоб Вассерман, Деблин, Ремарк и сотни других были изгнаны за пределы страны или же сами покинули фашистский ад. Многие в эмиграции нашли безвременную смерть, как, например, австрийцы Якоб Вассерман и Альфред Рот. Другие покончили с собой, как Стефан Цвейг, Эрнст Толлер, Курт Тухольский, Эрнст Вейс. В большинстве своем, однако, эмигрировавшие антифашистские писатели были выведены преследованиями из состояния политической пассивности и закалились в борьбе. Послания, с которыми они обращаются к немецкому народу, доходят до него сквозь все ограждения, которыми обнесена современная Германия. Изгнанные из Германии прогрессивные писатели—ныне выразители подлинных мыслей и чувств миллионов немцев, которые лишены возможности их высказывать.

Фашизм ведет войну не только против передовой, демократической, антифашистской литературы. Он заядлый враг всякого реализма в литературе. Ибо литература нужна фашизму не для правдивого изображения действительности, а для восхваления фашистского варварства, убийств и грабежей, для разжигания в людях низших, животных инстинктов, для погромной травли беззащитных жертв фашизма. Ему нужно бульварное чтиво для отвлечения интересов населения от жгучих актуальных вопросов и забот, для культивирования обывательского тупоумия. Ему нужна, наконец, порнографическая «литература» для удовлетворения низменных вкусов его штурмовиков и эсэсовцев.

Выдвинувшиеся при фашистском режиме писатели—это бездарности, не сумевшие добиться успеха до прихода фашизма к власти; единственные их «заслуги» состоят в занесении перед властью. Среди них мы находим уже раньше известного автора порнографических романов Ганса-Гейнца Эверса. При фашистском режиме он написал роман в честь Хорста Весселя, фашиста-сутенера, убитого в 1930 г. во время драки другим сутенером, после чего фашисты объявили его своим национальным «мучеником». Впрочем, Эверс был вскоре предан забвению и уступил свое место другим порнографическим писателям—Бронену, Бенну и т. д., чьи писания остережется взять в руки всякий культурный человек.

С сентября 1939 г. Германию наводняет грязный поток литературы, посвященной восхвалению фашистской разбойничьей

войны. Чрезвычайно рекламировался, например, роман Гвиннера «Смерть в Польше». Эта книга посвящена кровавой травле поляков. Она типична для целой серии фашистских огромных книг, не имеющих ничего общего с искусством и литературой.

Бесчисленные драмы и стихотворения современных германских писателей посвящены теме смерти на войне. Хорошо оплачиваемые слуги Геббельса, выступающие в качестве драматургов и лириков, хотят убедить читателей, что на свете нет ничего более прекрасного, чем смерть во славу фюрера. В этом духе написана еще до войны пьеса Церкаулена «Лангемарк». В ней воспевается бессмысленная смерть немецких студентов, из которых в начале войны 1914—1918 гг. формировались особые полки; студенты шли на врага, как на парад, с развевающимися знаменами. Осенью 1914 г. эти полки были скошены огнем английских пулеметов. В том же духе пишет фашистский критик Дейбель в своей книге «Немецкий путь к трагедии»: «Умереть, пасть на поле брани—такова в высоком трагедийном смысле героическая судьба немецкого человека». Среди стихов, опубликованных в журналах, в особенности за 1941 г., можно найти немало и таких, которые обнаруживают настроения, весьма далекие от официально предписанных. Выспренне мистический язык этой «лирики» не выражает никакого воодушевления, никакой бодрости, от стихов веет глубокой подавленностью, мрачной неуверенностью, безграничным страхом перед смертью. Если в одной строфе автор тужится проявить военный энтузиазм, то уже следующая строфа обличает глубокое разочарование и чувство безнадежности. Фашистский поэт Готфрид Бенн в одном стихотворении называет Германию «страной гибели». Эти строчки—невольное выражение усталости, возникшей в стране в результате затянувшейся непосильной войны.

Фашистская «культурная палата» пытается подкупить ряд писателей премиями и наградами и увеличить их популярность с помощью официальной рекламы. Но все эти усилия напрасны. Фашистские сателлиты, писатели, готовые prostituировать себя подобно Гансу Иосту, Эйрингеру, Гримму и другим,—это мухи-однодневки; их имена, как и их произведения, непопулярны среди населения. Фашистский режим не выдвинул ни одного популярного писателя. Но и популярные в свое время писатели, перейдя на службу к фашизму, как, например, Фаллада, быстро утратили как свой талант, так и свою популярность.

Театральная жизнь в фашистской Германии представляет мерзость запустения. Не существует ни трагедии, ни комедии. Публика избегает фашистских пьес. Грубая, крикливая военная пропаганда никого не привлекает. Так называемые драматурги фабрикуют написанные в псевдоклассическом стиле внутренне пу-

стые пьесы, которые никому не нужны. Литература насквозь лжива. Один из новейших «теоретиков» фашистского театра, ниский Лангенбек, заявляет, что для современности—он имеет в виду гитлеровскую фашистскую Германию—Шекспир неприемлем. Ведь в драмах Шекспира даны «только» человеческие характеры. Фашизму же нужны «драмы судьбы», после просмотра которых зритель уходит из театра с убеждением, что человек должен подчиниться «судьбе», иначе говоря, безропотно сносить фашистскую тиранию. К тому же, утверждает Лангенбек, герои шекспировских драм безнравственны. Фашистам весьма не по сердцу мощный реализм Шекспира. Откровенно бесстрашное сценическое воплощение какого-нибудь Яго или Ричарда III действует им на нервы. Они чувствуют себя задетыми. Они боятся Шекспира, потому что он показывает людей людьми, а извергов—извергами. Фашисты бойкотируют и Мольера, изобразившего в «Тартюфе» лицемера во всей его отвратительной наготе.

То же варварство проявляется и в отношении фашистов к изобразительным искусствам, служащим для них все тем же средством разжигания расовой розни, натравливания одного народа на другой, восхваления грабительской войны. Фашисты отрицают существование единого, доступного пониманию всех народов языка изобразительных искусств, они отрицают всякую возможность для одного народа понимать и наслаждаться художественным творчеством другого народа. Искусства как незаменимого средства взаимного культурного сближения народов для них не существует. Они продолжают истошно кричать о крови и расе. Розенберг пишет: «Искусство—всегда творение, определенной крови, и оно может быть понято только людьми той же крови». Какое дело этим шарлатанам и изуверам до того, что ренессанс и барокко, классицизм и романтизм были крупными интернациональными течениями в искусстве? Какое им вообще дело до подлинного искусства? Правда, у фашистских правителей наблюдается своеобразное пристрастие к прославленным классическим произведениям живописи. Ведь это, как никак, материальные ценности. И они расхищают картинные галереи Германии и оккупированных стран, чтобы украсить украденными полотнами свои пышные дворцы, сооруженные на столь же беззастенчиво награбленные деньги. Геринг «преподносит» Гитлеру картины из государственных музеев, а Гитлер точно так же «одаривает» Геринга. Из сообщения фашистской газеты «Ангрифф» стало известно, что одно из лучших произведений немецкого ренессанса—«Сон Париса» Луки Кранаха находится в частном владении Геринга. Эта картина оценивается в миллионы марок. Каким образом она очутилась у Геринга, этого никто

не знает. А сколько фактов такого рода остается под спудом и заботливо скрыто от нескромных глаз и ушей!

«Художественная политика» германского фашизма есть не что иное, как разрушение, искоренение прогрессивного германского искусства. Гитлер, Розенберг и Геббельс неугодные им направления в искусстве титулуют «художественным большевизмом», подводя под него все направления и значительные произведения западноевропейского и немецкого искусства начиная от конца XIX века. К «дегенеративному искусству» фашисты относят Сезана, Ван Гога, Гогена, Родэна, Менье, импрессионистов и экспрессионистов, смешивая их в одну кучу. К «дегенератам» они причисляют и видного немецкого художника Франца Марка и самобытного скульптора Барлаха, умершего в 1941 г. в Германии в ужасающей нужде. Государственно опасными объявлены произведения Кэте Кольвиц ввиду глубокой симпатии к бедным и угнетенным, которой проникнуто ее творчество. Крамолы считаются ярко реалистические зарисовки Петера Цилле из жизни берлинского пролетариата.

Начиная с 1933 г. из галерей, музеев и художественных академий систематически изгонялись все прогрессивные силы. Государственным секретарем по делам искусства при Русте назначен некий Хинкель, ставленник Розенберга. Комиссаром по «чистке» искусства утвержден иллюстратор грязного фашистского листка «Фелькишер Беобахтер», некий Швейцер, стяжавший себе славу в рядах эсэсовских банд. Эта свора «сведущих в искусстве людей» терроризирует тех порядочных художников, которые еще остались в Германии, изгоняет их из страны и отдает важнейшие заказы заведомым бездарностям.

Фашистская живопись и скульптура представляют беззащитную, неприкрытую халтуру, бездарный плагиат, топорное подражание немецкому классицизму и романтизму. Излюбленные темы этого «искусства»—изображение призовых бойцов, атлетов и штурмовиков. Очень распространено также условное изображение «германской жены»—исполнического роста, с плащом золотистых волос и бурно колыхающейся грудью. Лишь несколько продавшихся художников, когда-то пользовавшихся известностью, участвуют в этом надругательстве над искусством, большинство же остается в стороне.

Некий писака Вильрих подводит под рубрику «дегенеративного искусства» даже... памятники древнехристианского искусства как чуждые «германско-нордическому духу». Во время войны Вильрих выпустил книгу «Очищение храма искусства». Он ссылается в ней на Гитлера, который в своей речи об искусстве, произнесенной в Мюнхене, назвал современных художников дегенеративными остолопами и потребовал их поголовной стерилизации.

Фашисты постановили очистить государственные галереи от

произведений «дегенеративного искусства». Они сотнями вывозили картины за границу в обмен на лакомую иностранную валюту, усердно набивая при этом свои собственные карманы.

С начала войны фашистские правители усиленно афишируют свои обширные «художественные заказы».

Результатом этих стараний явилось множество чудовищных батальных картин, порождений извращенной фантазии, задача которых—внушить немецкому народу ненависть к врагу и прославить войну. Столь же чудовищны многочисленные памятники, воздвигнутые фашистами над гекатомбами трупов, усеявших чуть ли не все европейские страны. Эти картины и памятники действительно внушают отвращение, но не к французам, англичанам или русским, а к фашистам и к фашистскому «искусству», которое видит красоту только в танках да в трупах.

Разрушительные тенденции фашистов в области искусства сказались и на архитектуре. Знаменитый «Баухауз» в Дессау, оказавший большое влияние на современную архитектуру, был закрыт, руководитель дессауской школы профессор Гропиус и многие другие прогрессивно настроенные архитекторы были изгнаны из страны. Гитлер приказал построить новое здание имперской канцелярии стоимостью в 300 миллионов марок—годовая зарплата 150 тысяч германских рабочих. В строительство «коричневых домов», зданий, занимаемых руководящими органами фашистской партии, вложены огромные суммы. Чудовищные бесформенные здания с их показным великолепием, фальшивая крикливая роскошь—таков «нордический стиль», достойное воплощение фашистского варварства.

О том, насколько снизился уровень художественной жизни в фашистской Германии, свидетельствует происшествие, имевшее место в Берлине в июле 1941 г. Происходила продажа с аукциона картин, в числе которых находилось одно полотно Рембрандта, а также картина Грюцнера—специалиста по изображению кабацких и ресторанных идиллий. Рембрандт был продан по цене ниже официальной оценки, тогда как вокруг картины Грюцнера разгорелась азартная борьба, так что ее продажная цена превысила в три раза ее оценочную стоимость. Рембрандт, как кисло констатирует газета «Дейче Альгемейне Цейтунг», оценивается в Германии всего лишь в 15 марок за квадратный сантиметр, в то время как мазня Грюцнера оплачивается по 20 марок за квадратный сантиметр. Ведь Рембрандт, по выражению одного фашистского «историка искусства», всего лишь «художник гетто». (Известно, что многие гениальные полотна Рембрандта представляют портреты и жанровые сцены из жизни евреев.) В подобных фактах, словно в капле воды, отражается глубочайший упадок культуры в Германии.

Что касается музыкальной жизни, то здесь тон задают оглу-

шительные военные марши и вульгарнейшие бессмысленные песенки. Замечательные произведения немецких композиторов, как музыка Мендельсона к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» или «Песнь о земле» Малера и т. д., не исполняются, потому что Мендельсон и Малер были евреями. Ряд крупнейших дирижеров и исполнителей изгнан из пределов страны. Дирижеры Бруно Вальтер, Клемперер и Штидри должны были покинуть Германию и выступают теперь с большим успехом в Америке. Фуртвенглер долгое время демонстративно держался в стороне, но, наконец, продался фашистам; это принесло ему много денег, но не прибавило чести у музыкальной интеллигенции всего мира. Знаменитый пианист Шнабель был изгнан на основании «параграфа об арийцах».

Ряд дирижеров и композиторов «арийцев» с мировым именем, которых фашисты хотели бы заполучить в Германию, бойкотируют страну варварства. Прославленный дирижер Тосканини, знаменитый скрипач Сигетти, недавно скончавшийся пианист Падеревский, самый выдающийся талант Венгрии композитор Бела Барток отклонили все приглашения приехать в Германию, сославшись самым недвусмысленным образом на господствующие там позорные для человечества порядки.

Бела Барток в письме, составленном в энергичных выражениях, потребовал, чтобы его произведения не исполнялись в фашистской Германии. Все это пощечины, какие едва ли получала еще какая-нибудь страна, не считая разве Италии.

Из великих немецких композиторов один лишь Вагнер удостоился расположения фашистских правителей. Впрочем, такое предпочтение снискал ему не его музыкальный гений, а скорее те черты реакционной идеологии, которыми отмечено его позднейшее творчество. Фашисты пытаются противопоставить Вагнера Бетховену, который в качестве гуманиста и демократа для них словно бельмо на глазу. О Бетховене возникла целая литература, призванная решить вопрос о том, «пороческий он человек» или нет. Мракобесы в современной Германии безнаказанно оплеывают великого Бетховена. Так, некий Эйхенауер позволяет себе в мерзкой книжонке под заглавием «Музыка и раса» упрекать Бетховена в том, что он «недостаточно цельная, слишком увлекающаяся и не вполне уравновешенная натура». Поистине дальше итти некуда!

В области кино фашистские правители поставили перед авторами сценариев и режиссерами задачу, с одной стороны, восхвалять фашистский режим, а с другой—создавать увлекательные зрелища, которые пользовались бы успехом у широкого зрителя и обеспечивали полные сборы. Но эти цели оказались несовместимыми. Составленные по указаниям Геббельса сценарии, быть может, и угождали вкусам штурмовиков, ко-

торых они часто превозносили, но они не пришлись по вкусу широкой публике, которая до фашистского режима перевидала все лучшие немецкие и иностранные фильмы, весело смеялась над проделками забавного Чаплина, а временами имела возможность увидеть и шедевры советского кино.

В противовес популярному в Германии роману Фейхтвангера «Еврей Зюсс» был состряпан фильм «Еврей Зюсс» в фашистском понимании. Этот фильм провалился, кинотеатры пустовали. После широковещательной подготовительной рекламы на экране появился под названием «Хорст Вестманн» фильм о штурмовике Хорсте Весселе. Этот фильм, в обработке которого принял участие сам Геббельс, должен был явиться триумфом фашизма в кинематографии. В результате — скандальный провал. Публика встретила этот низкопробный фильм, в котором революционные рабочие изображались как «красные твари», свистками и негодующими возгласами. Фильм пришлось снять. Спасая положение, изворотливый Геббельс поторопился заявить, что «штурмовикам место на улице, а не на экране». Тот же Геббельс неоднократно бывал вынужден признать, что фашистский режим оказался неспособен найти новый стиль в кино, создать хорошие фильмы, выявить новые таланты. Чтобы использовать экран для своей людоедской шовинистической пропаганды, фашисты теперь преподносят ее под флагом «истории». Выпускается множество картин на избитую тему о «старом Фрице» (короле Фридрихе II), о Бисмарке и других. Нет надобности говорить, что все эти фильмы основаны на лжи и грубой фальсификации истории. Все такие «исторические» фильмы неизменно оканчиваются апофеозом фашистского режима.

Репертуар кинотеатров показывает, что на экране преобладает дешевая сентиментальная любовная тема, пользуются популярностью кинофицированные оперетты Легара, переделки старых популярных театральных пьес. Кинокомпании вынуждены искать спасения в так называемом «аполитичном» жанре, если они хотят завлечь публику в кинотеатры.

С начала войны усиленно навязывается вниманию публики так называемый пропагандистский кинорепортаж. Его задача состоит в том, чтобы создать в тылу военный угар, вызвать кровавые настроения. Фашисты, однако, явно не удовлетворены успехом этого репортажа. Так, газета «Берлинер Нахтаусгабе» в номере от 10 июля 1941 г. жалуется: «Все еще находятся люди, которые не проявляют должного уважения к кинорепортажу германских рот пропаганды. Эти люди не проявляют должного почтения в отношении этих драматических и правдивых картин. Так пусть же они сами призовут себя к порядку, а то как бы не пришлось это сделать за них другим». Фашисты, таким образом, сами констатируют, что публика не верит лжи-

вому военному кинюспорту и даже смеется над ним. Статья заканчивается недвусмысленными угрозами со стороны гестапо.

Столь же малопопулярна и «художественная» литература, которую силятся создать фашисты. Геббельс мечет гром и молнии, обвиняя во всем книгопродавцев, не обладающих достаточной ловкостью, чтобы всучить публике новейшие произведения фашистской литературы. Союз книгопродавцев спешит отвести эти упреки: как прикажете продавать книги, когда имена их авторов неизвестны ни покупателям, ни продавцам! Издателей, выпускающих переводную литературу, Геббельс упрекает в том, что они одержимы «манией перевода». Издатели отвечают на это: на чем вообще нам еще держаться, если не на переводной иностранной беллетристике?

Гитлеровцы обвиняют литературных и театральных критиков в том, что они расправляются с новыми, преданными режиму представителями искусства и квалифицируют их критику как критику самого режима. Нередки случаи, когда театральные критики за свои рецензии попадали в концентрационный лагерь. Дело дошло до того, что Геббельс издал указ: «Я запрещаю художественную критику». Так в Германии приказала долго жить художественная критика. А между тем, как известно, в Германии прогрессивная художественная критика обладала большой исторической традицией. В свое время работы Лессинга были могучим орудием просвещения, орудием борьбы против реакции и ханжества. Геббельс запретил художественную критику, а за ней театральную критику и, наконец, кинокритику. Но бойкот фашистского «искусства» и «литературы» со стороны образованной публики не прекратился и продолжается до сих пор. Он только усилился за годы войны, когда к нему присоединился молчаливый бойкот со стороны широких слоев германского населения.

Это чрезвычайно важный симптом, свидетельствующий об определенных политических настроениях германского народа. Здесь дело не только в недовольстве искусством, но и в недовольстве широких слоев населения порядками, царящими в фашистской Германии. Отвергается не только форма, отвергается содержание фашистского «искусства». А это содержание не что иное, как разнузданная военная пропаганда, идеология грабежа и канибализма.

ПОХОД ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ

Для того чтобы установить свое кровавое господство над Европой и всем миром, Гитлер хочет раз и навсегда стереть с лица земли все нации. В своих беседах с Раушнинггом Гитлер нисколько не скрывал этого. «Нация—это продукт демократии и либерализма. Мы должны покончить с этой ложной концепцией и на ее место поставить концепцию расы, еще не затасканную политически. Новый порядок невозможен в рамках исторических национальных границ народов. Он может быть выражен только при посредстве расовой концепции, ломающей эти границы». В этих словах с циничной откровенностью изложена программа ликвидации государственной самостоятельности и национальной независимости народов. Свою программу немецкие фашисты пытаются претворить в жизнь в оккупированных ими странах, с тем чтобы превратить народы Европы в рабов верхушечного слоя немецких магнатов промышленности, аграриев и фашистских главарей.

Одной только военной оккупации какой-либо страны, однако, еще недостаточно для уничтожения нации. *«Нация,—говорит товарищ Сталин,—это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*¹. Отсюда следует, что тот, кто стремится к ликвидации самостоятельности наций, пытается также уничтожить их культуру.

Это и делает германский фашизм в оккупированных им странах.

Германский фашизм никогда не признавал за народами равного права на самостоятельность и культуру. «Наша миссия,—заявлял Гитлер,—состоит в том, чтобы покорить остальные народы. Немецкий народ должен дать миру класс господ». Фашисты обосновывают свои претензии на господство, свое «право» на уничтожение целых наций и национальных культур народов ссылкой на мнимое «превосходство немецкой культуры». Этот лозунг только варьирует лозунг о «превосходстве германской расы». На что, спрашивают фашисты, нужна чехам, полякам, сербам и другим народам собственная национальная культура, которая никогда не сможет подняться до уровня немецкой культуры? Пусть лучше они предоставят культуру немцам, классу господ, а сами ведут жизнь, приличествующую рабам!

¹ Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Госполитиздат, 1941, стр. 7.

Ссылка германских фашистов на «превосходство немецкой культуры» представляет собой бесстыднейшую ложь и лицемерие. Фашисты—смертельные враги немецкой культуры не в меньшей степени, чем всякой другой. Они делают все, что только в их силах, для разрушения культуры в Германии, и после этого у них еще хватает наглости сослаться для обоснования своих разбойничьих походов на немецкую культуру, которая существовала только до момента прихода фашистов к власти.

«Теоретическая ложь,—говорил Чернышевский,—непрерменно ведет к практическому вреду... всегда оказывается, что нация губит сама себя, поработая человечество»¹. И далее: «...всегда оказывается, что совершенно ошибочен был расчет нации, думавшей извлечь себе пользу из нанесения вреда человечеству»².

Лучшие представители немецкой культуры решительно осуждали великогерманский шовинизм и видели в пренебрежительном отношении к другим народам как раз доказательство полного отсутствия культуры. Германские же фашисты, превратившие Германию в страну худшего варварства, ругают и глумятся над другими народами. Таков «идеологический» фон их практической деятельности по разрушению национальной культуры народов.

История знает много примеров национального угнетения народов. Но перед действиями фашистов бледнеют все преступления, когда-либо совершенные реакционными правительствами в области политики национального угнетения. Фашисты уничтожают национальную культуру и национальную независимость даже высокоразвитых, передовых культурных народов Европы. Они буквально физически истребляют целые культурные народы.

С особенным остервенением Гитлер и его орды набросились на славянские народы и их национальную культуру.

Первым из славянских народов стал жертвой германской агрессии чешский народ. Наряду с политическим и экономическим закабалением чешского народа идет с момента оккупации страны и систематическое разрушение чешской культуры. Чехия и Моравия, как известно, превращены в «протекторат»,—так немцы называли раньше свои колонии в Африке. На «протекторат», по официальному заявлению фашистов, распространяется «общность германской культуры». Это означает, что чехам, мол, так же мало нужна собственная культура, как неграм в колониях. Культурные учреждения чешской нации подвергаются варварскому уничтожению. Свыше 25 тысяч куль-

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, Москва 1938, стр. 108.

² Там же, стр. 109.

турных организаций и обществ чехов было распущено. Сокровища библиотек, музеев, картинных галлерей, неповторимые в своем роде художественные реликвии пражского дворца (Градчина) были из него похищены и перевезены в Германию.

Германский фашизм хочет снизить уровень жизни чешского народа до степени животного существования. Для этой цели гитлеровский режим стремится лишить чешскую нацию, равно как и другие нации, ее интеллигенции. Интеллигенция, по требованию гитлеровцев, должна в политическом и культурном отношении добровольно покончить самоубийством или же подвергнуться полному истреблению. Однако чешская интеллигенция стойко и упорно сопротивляется. В ноябре—декабре 1939 г. состоялись крупные демонстрации студентов и профессоров университетов против германского фашизма. Тогда немцы закрыли университеты на три года. 22 600 чешских студентов не могут закончить свое образование. Свыше 5 тысяч студентов и профессоров были брошены в концлагери, 500 человек было убито. Общее число убитых фашистами чешской интеллигенции по конец сентября 1941 г. составляло, по лондонским данным, свыше 1 600 человек.

Бывший наместник Гитлера барон Нейрат и Геббельс неоднократно предпринимали попытки подкупить часть чешской интеллигенции, чтобы побудить ее занять прогерманскую, профашистскую позицию. Геббельс прилагал особые усилия, чтобы заставить чешских журналистов писать в профашистском духе. Эти попытки ни к чему не привели. После этой неудачи Геббельс распорядился закрыть чешские газеты. В августе 1941 г. так называемое «правительство протектората» по приказу фашистов закрыло 520 чешских газет и журналов, в том числе много научных изданий. Цензура не пропускает на столбцы чешской печати ни одного свободного слова, заставляя ее печатать фашистские и прогерманские статьи. Самое слово «славянский» цензурой не пропускается. Чешский народ ответил на это упорным и энергично проводимым бойкотом фашистской прессы. Сейчас фашисты принялись за последовательное уничтожение чешского литературного языка. Большая часть чешских средних школ была также закрыта летом 1941 г. Чешские дети не должны больше учиться на своем родном языке.

Поход германских фашистов против польского народа и польской национальной культуры должен быть отнесен к самым мрачным страницам истории. Польша официально именуется фашистами не Польшей, а только «генерал-губернаторством». Польша—это «придаток» Германии, ее колония, а польский народ—«вспомогательный народ», т. е. народ рабов. Такой стране, по мнению Гитлера, вообще не нужна культура. Разхищены сокровищницы польской культуры—Варшавская и Кра-

ковская библиотеки с ценнейшими рукописями, а также знаменитая Ягеллонская библиотека.

Польские университеты и средние школы закрыты. Здание Варшавского университета передано полиции. Все, что осталось, это небольшое число польских народных школ. Рабам, по мнению фашистов, не нужно учиться.

Народ рабов не нуждается в интеллигенции. Польская интеллигенция не желала покориться фашистским оккупантам. Гестапо начало свою кровавую работу: были произведены массовые аресты среди университетских профессоров, писателей, педагогов. Многие, чтобы избежать унижений и пыток, прибегли к самоубийству. В конце августа 1941 г., по сообщению из Лондона, был убит гестапо профессор Львовского университета, бывший министр-президент Польши Казимир Бартець. Вместе с ним погибло еще пять польских ученых. 74 профессора были приговорены к долголетнему тюремному заключению. Польский артист Козак был расстрелян за исполнение польской национальной песни. Лишь после свержения гитлеровского режима явится возможность точно установить, сколько представителей польской интеллигенции убито или доведено до самоубийства немецкими фашистами.

Памятники национальным героям Костюшко, Адаму Мицкевичу и другим разрушены. Польская опера и крупные театры закрыты. Лучшие артистические силы бежали. Запрещено исполнение польской музыки; под запретом даже произведения Шопена. Вместо выходивших раньше в Польше 70 газет выходит только одна газета в Варшаве, и то, конечно, под цензурой немецких фашистов. В кафе запрещено говорить по-польски. Польский язык изгнан из обихода. Но так как все эти мероприятия не в состоянии сломить волю польского народа в борьбе за свое освобождение от ненавистного гитлеровского иа, террор против польского народа все больше усиливается.

Весной 1940 г. были оккупированы Дания, Норвегия, Бельгия и Голландия. Как фашистские оккупанты относятся к национальной культуре этих стран?

План фашистских оккупантов в отношении Норвегии первоначально сводился к тому, чтобы, внешне сохранив наличные культурные учреждения, превратить их полностью в орудия фашистской пропаганды, духовной муштры населения. Этот план потерпел крушение, разбившись о единодушное сопротивление населения фашистской пропаганде оккупантов и их квислингов. Тогда германский фашизм прибег к открытым насильственным мероприятиям против национальной культуры Норвегии и против норвежской интеллигенции.

Немцам не удалось подкупить норвежскую интеллигенцию, превратить ее в предателей своего народа. Ввиду этой неудачи

фашистам оставалась только «культурная политика» гестапо: изгнание из страны представителей науки и искусства, массовые увольнения, аресты, тюремные приговоры, пытки. В Норвегии тысячи работников умственного труда томятся в заключении. В мае 1941 г. состоялся процесс-монстр против 300 представителей интеллигенции. Среди них особенно много было учителей, пытавшихся превратить школы в центры сопротивления фашизму. Многие из этих учителей были присуждены к тюремному заключению. Известнейшие норвежские писатели, как Сигрид Унсет, Н. Григ и другие, а также виднейшие ученые живут в изгнании в Англии и США. В августе 1941 г. они обратились к норвежскому народу с манифестом, в котором клянутся продолжать борьбу за свободную Норвегию.

В Голландии и Бельгии фашистские оккупанты закрыли славившиеся по всей Европе своими научно-исследовательскими работами университет в Лейдене и высшее техническое учебное заведение в Дельфте; большинство профессоров и студентов заключены в концентрационные лагеря. Закрыты театры, большое количество школ. Число подкупленных фашистами перебежчиков настолько незначительно, что его нехватает для создания хотя бы видимости прогерманского движения. Разрешена продажа одной только фашистской литературы, но никто ее не покупает. Все расчеты фашистов на ослабление национального сопротивления в этих странах провалились. Широкие народные массы, а также интеллигенция видят в фашизме смертельного врага национальной самостоятельности Голландии, Бельгии, злейшего врага их культуры. Фашистские газеты и театральные спектакли бойкотируются, гитлеровцев все сторонятся, как чумы. В Люксембурге оккупанты запретили населению пользоваться родным французским языком и декретировали монополию немецкого языка. Однако население продолжает говорить на родном языке. То же самое имеет место и в Эльзас-Лотарингии.

После разгрома Франции летом 1940 г. гитлеровские орды взялись за французскую культуру. Долгие годы Гитлер разжигал среди своих банд ненависть к Франции, «извечному врагу» Германии. С яростью изуверов Гитлер, Розенберг и Геббельс проводили свою клеветническую кампанию против французского народа, называя его «дегенеративным», «испорченным негритянской кровью», «негроидным» народом. Фашистам важно было дискредитировать революционные и демократические традиции Франции. Буржуазная революция 1789 г. для них — источник и воплощение всех ужасов. Фашисты превосходно понимают, что славные традиции французской истории и поныне живы в сердцах французского народа. Поэтому для них важно после нанесения Франции военного поражения повергнуть французский народ в прах и морально-политически. Для этой цели

фашисты хотят разгромить национальную культуру Франции, уничтожить ее с корнем.

Со столь характерным для них сочетанием вандализма и «немецкой методичности» фашисты еще до французского похода составили списки тех книг, которые они, по испытанному берлинскому способу, собирались предать сожжению в Париже. В эти списки были включены лучшие произведения французской и мировой литературы. Все попадавшие в руки фашистов экземпляры этих произведений сжигались на кострах. А затем был дан сигнал к грабежу. Все, что только возможно было, вывозилось в Германию, в том числе 3 тысячи ценнейших экспонатов Лувра. Что не удалось вывезти, то уничтожалось на месте. Среди уничтоженных памятников искусства—такой шедевр зодчества, как замок Амбуаз. Разрушен музей в Туре, в котором хранились рукописи Бальзака. Город Руан, не имеющий никакого военного значения, но богатый единственными в своем роде памятниками культуры, превращен в развалины. Бесценные образцы средневекового искусства стали жертвой фашистских бомбардировок. Та же судьба постигла в Амьене и Лионе ряд церквей, прославленных памятников готического искусства. Фашисты бомбами подожгли эти незащищенные города. Что руководило ими при этом? Обычная их садистская жажда разрушения? Или, быть может, им важно было стереть с лица земли красноречивые документы из камня, доказывавшие, что готическое искусство родилось во Франции, а не в Германии, как утверждают фашисты?

В Париже хозяйничают германские оккупанты. В освященном историей храме французского театрального искусства, в «Comédie Française», выступает фашистская труппа. Лучшие французские артисты эмигрировали или голодают. Вместе с ними голодают художники и писатели. Книжки Ромэн Роллана сожжены. 80-летний философ Анри Бергсон незадолго до своей смерти подвергся со стороны фашистов оскорблениям и надругательствам за то, что он еврей. Когда же фашистам требуется украсть из книг Бергсона, антининтеллектуалиста и виталиста, аргументы против власти разума и против материализма, то еврейское происхождение философа несколько им не мешает. Профессор Эрпест Ланжевен, гордость французской и мировой науки, выдающийся физик и известный антифашист, арестован. Студенты организовали демонстрации протеста против этого ареста. Фашисты расстреляли 18 студентов. Школьники присоединились к студентам и демонстрировали на улицах. Университет и школы были закрыты.

Немецкие фашисты хотят навязать Франции свою «культуру». Для этого им нужны бандиты пера, продажные писаки, предатели своего отечества. Всегда найдется подобная братия, но

в ее среде нет ни одного известного ученого, ни одного видного писателя, а только мракобесы, шарлатаны, деклассированные адвокаты-крючкотворцы и строкогоны из бандитских листов. Они звонят во все колокола и вторят на французском языке геббельсовской лживой пропаганде. Пусть Франция «избавится от евреев и негров, это они повинны в вырождении французских нравов и культуры». Они требуют «сближения» с идеологией победителей, с фашизмом. Французский народ с презрением отворачивается от этих нацистских агентов. Свободолюбивая Франция никогда не станет фашистской.

После поражения Франции гитлеровские орды наводнили Юго-Западную Европу и Балканы. Германские фашисты превратили Венгрию в своего вассала, заняли в качестве «союзников» Румынию и Болгарию и по-разбойничьи напали на Грецию и Югославию. Повсюду они не только захватывают продовольствие и сырьевые запасы страны, но и уничтожают государственный суверенитет, национальную независимость, национальную культуру народов. В эти страны на острие штыков приносятся и насаждается пресловутая фашистская «культура». В Румынии и Болгарии разрешается распространять только профашистскую, прогерманскую литературу. Немногочисленные сторонники фашизма имеют монополию на устное и печатное слово, они пропагандируют расизм. Фашистской лженауке предоставлена монополия в университетах и школах.

В Венгрии широкие общественные круги в течение долгих лет упорно боролись против заражения страны бактериями коричневой фашистской чумы. Но с тех пор как клика Хорти—Бардоши предательски выдала страну германскому фашизму и вовлекла Венгрию в преступную войну против Советского Союза, с национальной независимостью Венгрии покончено. Лишив Венгрию политической и экономической самостоятельности, ее шаг за шагом лишают и национальной культуры. Гитлеровский фашизм хочет полностью осуществить программу германизации Венгрии. Уже сейчас немецкое меньшинство в Венгрии стало государством в государстве, гитлеровской провинцией в сердце Венгрии. Но одновременно гитлеровский пангерманизм наталкивается на растущее сопротивление венгерского народа и лучших его представителей.

Вероломное нападение на Советский Союз превосходит все предыдущие преступления гитлеровского фашизма против народов Европы.

До гитлеровского режима, пока Германия оставалась культурной страной, передовая часть германского народа знала крупнейшие творения русского народа и высоко ценила их. Германия многим обязана русской науке, литературе и искусству. Нельзя себе представить развития естественных наук в Германии

без открытий Менделеева, Сеченова, Павлова, Мечникова. Просвещенные слои германского народа преклонялись перед русскими классиками. Маркс и Энгельс читали Пушкина в оригинале. Энгельс называл Добролюбова и Чернышевского «двумя социалистическими Лессингами» и ставил их в один ряд с великими немецкими классиками. Влияние Толстого распространилось на многие поколения германской интеллигенции. Известный марксистский историк и критик Франц Меринг писал: «Точно так же, как французскую историю восемнадцатого века изучают по сочинениям Дидро, Вольтера и Руссо, а немецкую историю того же времени—по сочинениям Лессинга, Гете и Шиллера, так и русскую историю девятнадцатого века можно изучать по сочинениям Белинского, Достоевского и Толстого»¹.

Сочинения Горького среди трудящихся Германии пользовались такой популярностью, какая не выпала на долю ни одного современного немецкого писателя.

Русская литература способствовала укреплению демократических, гуманистических, прогрессивных течений в умственной жизни Германии и Западной Европы.

Не только литература, но также и русская музыка и русский театр сильнее всего влияли на духовную жизнь Германии. Не было города в Германии, где бы не исполнялись симфонии Чайковского. В знаменитом лейпцигском «Гевандхаузе» в течение десятилетий великий дирижер Артур Никиш наравне с симфониями Бетховена из года в год исполнял цикл оркестровых произведений Чайковского, этого могучего музыкального гения России. Гастроли Художественного театра и русского балета каждый раз оставляли неизгладимый след в интеллектуальной жизни Германии.

Конечно, в глазах фашистских варваров эти культурные связи русского и германского народов не имеют никакого значения. Тот факт, что германская культура многим обязана русскому народу, не только не вызывает у фашистов чувства благодарности, но, напротив, усиливает в них ненависть к нашему народу.

Неотъемлемой частью советской культуры является сохранение лучших культурных традиций и культурных памятников народов СССР. Это лишний повод для фашистов в их стремлении разрушить, уничтожить советскую культуру.

Ведь эти памятники доказывают, что на территории СССР уже процветала культурная жизнь, в то время как Германия пребывала еще в состоянии варварства.

Фашисты питают чудовищную ненависть к советской культуре, потому что она является одним из источников силы советского

---

¹ Меринг, Литературно-критические статьи, т. II, стр. 290. «Academia», 1934.

государства и вместе с тем грозным обвинителем фашистского варварства, ибо советская культура проникнута духом дружбы и братства народов. А этого, по гитлеровским принципам, не должно и не может быть. В противоположность фашистской Германии, отвергающей культурное равноправие народов, советская страна стала славной ареной многообразного, разностороннего и пышного цветения, ареной мирного братского сосуществования национальных культур населяющих ее народов. Завоевания советской культуры за ее почти двадцатипятилетнее существование самым наглядным образом опровергают расистские теории,—и это тоже основание для фашистов бешено ненавидеть советскую культуру и проявлять эту ненависть словом и делом.

«Раньше «принято было» думать,—говорит товарищ Сталин,— что мир разделен искони на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплуатировать первых. Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед *действительно* передовую культуру и *действительно* передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские»¹.

После освобождения Красной Армией ряда занятых фашистами городов и районов они явили миру ужасающую картину дикого разрушения. Гитлеровские негодяи в школах устраивали публичные дома, многие церкви они превратили в конюшни либо сожгли, загнав в них население. При отступлении они взрывали школы, библиотеки, больницы. Только в ранее оккупированных и ныне освобожденных районах Московской области фашистские бандиты уничтожили 761 школу, свыше 164 больниц, более 800 изб-читален, библиотек, кинотеатров и клубов.

С особенной ретивостью гитлеровские выродки набросились на знаменитые памятники истории и культуры. Издеваясь над национальными чувствами советских народов, они уничтожали их культурные сокровища, оскверняли памятники древности.

Когда фашисты под натиском Красной Армии отступили из Истры, они сожгли город и взорвали старинный Ново-Иерусалимский монастырь. Немецким фашистам было хорошо известно, что это величайший памятник зодчества XVII века. Он был построен по образцу исторического Иерусалимского храма и пользовался мировой известностью. Внутренняя отделка монастыря

---

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 178.

имела особое значение как чудесный памятник керамического искусства. В корреспонденции в «Правде», написанной 3 января 1942 г., мы читаем: «Изразцы, которыми были украшены порталы и иконостасы, совершенно исключительны по богатству форм, сложности палитры и блеску глубоких тонов. В монастыре были даже грандиозные изразцовые колонны, которые считались шедевром и вершиной этого древнейшего вида искусства».

Немцы отвели Ново-Иерусалимский монастырь под постройку для своих солдат. В здании скита патриарха Никона, архитектурного памятника середины XVII века, они поместили лошадей. Монастырь они превратили в склад снарядов и мин, рассчитывая, что Красная Армия не станет бомбить и обстреливать древнее здание.

Не менее ужасны злодеяния фашистских варваров в Ясной Поляне, где немецкие оккупанты хозяйничали полтора месяца. В ноте Народного Комиссара Иностранных дел В. М. Молотова говорится: «Этот прославленный памятник русской культуры, очищенный от оккупантов частями Красной Армии 14 декабря, нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли. Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Льва Толстого,—редчайшие рукописи, книги, картины были либо разворованы немецкой военщиной, либо выброшены и уничтожены. Германский офицер Шварц в ответ на просьбу сотрудников музея перестать отапливать дом личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил словами: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого»¹.

Напрасно гитлеровцы пытались «опровергнуть» факты, о которых сообщала нота т. Молотова. Комиссия Академии наук СССР еще раз точно и детально установила обстановку разгрома дома-музея Толстого и привела неопровержимые документы, характеризующие варварское отношение фашистов к памятникам русской культуры. Комиссия Академии наук установила, что немецкие офицеры до отступления из Ясной Поляны подожгли дом-музей Толстого, школу имени Толстого, амбулаторию и больницу имени Толстого. Только благодаря усилиям сотрудников музея удалось ликвидировать пожар и спасти дом Толстого от полного уничтожения.

Фашисты похоронили своих солдат у могилы Л. Н. Толстого.

---

¹ Нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях от 6 января 1942 г., «Правда» от 7 января 1942 г.

Это сделано с явной целью оскорбить русский народ, надругаться над памятью великого писателя.

Заботой и вниманием советского правительства музей Толстого восстановлен, и 24 июня 1942 г. состоялось торжественное открытие его.

Фашистские оккупанты' подожгли музей в Бородине, чтобы уничтожить памятники славы Отечественной войны 1812 г. Они надругались над домом-музеем П. И. Чайковского в Клину, уничтожили домик Чехова в Таганроге и дом-музей Чехова в Истре, памятник Тараса Шевченко в Каневе, дом, где жил Римский-Корсаков в Тихвине. Они осквернили могилу Пушкина. В Калуге гитлеровцы разгромили дом-музей знаменитого ученого К. Э. Циолковского. Они старались уничтожить все мемориальные ценности и, наконец, пытались поджечь дом-музей. В этом им помешало только быстрое продвижение Красной Армии.

Отступающие гитлеровские вандалы разгромили, разрушили и сожгли одно из старейших и крупнейших сельскохозяйственных научных учреждений—Шатиловскую селекционную станцию. Они угнали население с территории станции, разграбили помещение и вывезли все имущество. Деревянные здания были сожжены, каменные здания взорваны, уничтожена библиотека в 40 тысяч томов.

Все эти преступления не являются произвольными актами отдельных фашистских офицеров. Они лежат в основе общего плана главного командования германской армии и фашистской партии. Это совершенно ясно вытекает из чудовищного приказа генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 г. о поголовном истреблении мужского населения и об уничтожении всех исторических и художественных ценностей в захваченных фашистами советских областях. Этот приказ тогдашнего командующего VI германской армией был разослан и другим частям германской армии как одобренный Гитлером «прекрасный образец». В приказе откровенно говорится:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Сам Рейхенау умер. Загадка его смерти нас здесь не касается. Но о том, что его чудовищный приказ действительно был принят как «образец», свидетельствует большое количество других приказов подобного рода. Вот еще один пример законченного варварства.

В захваченном приказе 512-му немецкому пехотному полку, подписанном полковником Шитингом, говорится, что зона, подле-

жандармы, в зависимости от обстоятельств, эвакуации, должна представлять собой после отхода войск пустыню; в пунктах, где разрушение должно быть проведено полное разрушение, следует уничтожить все строения, для этого предварительно набивать солодой дома, в особенности каменные; мероприятия по созданию опустошенной зоны должны быть подготовлены и проведены беспощадно и полностью.

Эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»¹

Фашистское глумление над советской культурой, варварское уничтожение всех культурных ценностей на захваченных территориях вызывают негодование и возмущение цивилизованного

мирового сообщества. Мысль о том, что фашисты стремятся уничтожить культуру советского народа, фашисты временно угрожают культуре всего человечества. «...Немецкие фашисты являются врагами европейской культуры,—говорит товарищ Сталин,—а немецкая армия—армией средневекового мракобесия, призванной разрушить европейскую культуру ради насаждения рабовладельческой «культуры» немецких банкиров и фабрикантов»².

В своей Великой отечественной войне советский народ защищает свою родину, свою свободу и одновременно защищает также культурные интересы всего мира.

Широчайшие круги цивилизованного мира все больше сознают, что Советский Союз в войне против фашизма защищает не только свою собственную культуру, но вместе с тем интересы всей цивилизации.

Окончательный разгром фашизма советским народом и другими свободолюбивыми народами мира приведет к новому расцвету мировой культуры.

---

¹ Доклад председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина на заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы 6 ноября 1941 г.

² Сталин, Приказ Народного Комиссара Обороны 1-мая 1942 года № 130.